Острые края (сборник)

Автор:
Джо Аберкромби

Острые края (сборник)

Джо Аберкромби

Земной КругЧерная Фэнтези

С возвращением в мир Земного Круга, любезный читатель! И лучше бы тебе знать его героев и негодяев, в противном случае истории, собранные в этой книге, могут тебя шокировать.

Шеведайя, лучшая воровка Стирии, и Джавра, львица Хоскоппа, – две столь разные женщины, и все же подруги.

Бетод, король Севера, и Логен Девятипалый – совершенная машина для убийства. Только можно ли достичь желанного мира, когда твой друг безумен?

Занд дан Глокта – блестящий офицер армии Его Величества: непревзойденный мастер фехтования, любимец фельдмаршала и… отъявленный негодяй. Определенно, ему есть о чем потолковать с гурками.

Впервые на русском языке!

Джо Аберкромби

Острые края

Joe Abercrombie

Sharp Ends

Collection copyright © Joe Abercrombie 2016

A Beautiful Bastard copyright © Joe Abercrombie 2016

Small Kindnesses copyright © Joe Abercrombie 2016

The Fool Jobs copyright © Joe Abercrombie.

First Published in Swords of Dark Magic, edited by Jonathan Strahan, 2010

Skipping Town copyright © Joe Abercrombie.

First published in Legends, edited by Ian Whates, 2013

Hell copyright © Joe Abercrombie 2016

Two’s Company copyright © Joe Abercrombie 2016

Wrong Place, Wrong Time copyright © Joe Abercrombie 2016

Some Desperado copyright © Joe Abercrombie.

First published in Dangerous Women, edited by Gardner Dozois and George R. R. Martin, 2013

Yesterday, Near a Village Called Barden… copyright © Joe Abercrombie.

First published in The Heroes, 2012

Three’s A Crowd copyright © Joe Abercrombie 2016

Freedom! copyright © Joe Abercrombie.

First published in Red Country, 2013

Tough Times All Over copyright © Joe Abercrombie.

First published in Rogues edited by Gardner Dozois and George R. R. Martin, 2015

Made a Monster copyright © Joe Abercrombie 2016

First published by Gollancz, London

© Гришин А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

***

Джо Аберкромби – один из самых перспективных авторов современной британской фэнтези. Трилогия «Первый закон», мир которой дополняют «Острые края», сразу же принесла ее создателю внимание и популярность среди любителей жанра. По словам писателя, то, что он описывает в своих книгах, «круто замешано на крови, предательстве и яде, с добавлением элементов черного юмора».

***

«Острые края» – полное собрание как уже получивших награды историй, так и новых рассказов от мастера темной фэнтези.

Amazon.com

Вообразите экранизацию Куросавой «Властелина Колец».

Lev Grossman, Wall Street Journal

Свежо и захватывающе!

The Independent

***

Посвящаю маме и папе.

Без вашего генетического материала у меня ничего не получилось бы.

Обаятельный мерзавец

Кадир, весна 566 года

– Ура! – взвизгнул Салем Реус, квартирмейстер Первого полка Его Августейшего Величества. – Задайте им жару!

Именно это – жару – полковник Глокта всегда и задавал своим противникам, будь то в фехтовальном кругу, или на поле боя, или в куда более суровых ситуациях, сопровождающих взаимоотношения безоружных людей в обществе.

Трое спарринг-партнеров, которым выпала несчастливая доля схватиться с ним, наскакивали на него так же бестолково, как это делали бы рогатые мужья при случайной встрече на городской улице, или кредиторы, тщетно пытающиеся

напомнить о долге, или позабытые приятели. Глокта с издевательской ухмылкой танцевал перед ними, полностью оправдывая свою двойственную репутацию лучшего фехтовальщика Союза и наглого позера. Он издевался – то подскакивал, то приседал, то перебегал на несколько шагов, то волочил ноги по-стариковски, то резко поворачивался, – проворный, как муха, непредсказуемый, как бабочка и, если ему приходила такая блажь, мстительный, как злая оса.

– Ну-ка, друзья, веселее! – выкрикнул он и, совершенно неожиданно развернувшись в прыжке, звучно хлопнул по ягодицам каждого из своих соперников. Толпа зашлась в глумливом хохоте.

– Отличный спектакль! – заявил лорд-маршал Варуз, раскачиваясь от восторга на складном походном стуле.

– Потрясающе отличный спектакль! – подхватил полковник Крой, стоявший по правую руку от него.

– Прекрасная работа! – сообщил полковник Поулдер, стоявший слева; эти двое непрерывно соревновались между собой в том, кто лучше подольстится к командиру. Вот и сейчас они вели себя так, будто вовсе нет забавы благороднее, чем издевательство над тремя новобранцами, которым вряд ли доводилось когда-то прежде держать в руках меч.

Салем Реус, внешне восторгавшийся, но в душе сгоравший от стыда, радовался так же бурно, как и все остальные. Но его взгляд то и дело уходил от этого пленительного, тошнотворного зрелища. Перескакивал на долину и прекрасный образец армейского беспорядка, который заполнял ее.

Пока командиры прохлаждались здесь, на вершине хребта – потягивали вино, глазели на забаву самоуверенного и самовлюбленного Глокты, пользовались бесценной возможностью насладиться освежающим ветерком, – внизу, в раскаленном на солнце тигле долины, частично затянутом тучей удушающей пыли, страдала основная часть армии Союза.

На то, чтобы протащить солдат, лошадей и постепенно, но неотвратимо разваливавшиеся обозные подводы через узенький мост, который старательно подмывала мчащаяся по глубокому оврагу вода, потребовался целый день. Теперь же люди растянулись неровной вереницей и уже не столько

маршировали, сколько брели в полусне. То, что когда-то было дорогой, давным-давно растоптали бесчисленные ноги, все признаки формы, дисциплины и воинского духа остались в прошлом, а красные куртки, сияющие нагрудники и развевающиеся золотые штандарты окрасились в одинаковый светло-бежевый цвет выжженной солнцем пыли Гуркхула.

Реус сунул палец под воротник и попытался оттянуть его и допустить хоть немного воздуха к мокрой от жгучего пота шее, думая при этом, что хоть кто-то должен бы попытаться немного упорядочить творящийся внизу хаос. Ведь если сейчас появятся гурки, будут большие неприятности. А гурки имели обыкновение появляться в самые неподходящие моменты.

Но Реус был всего лишь квартирмейстером. Среди офицеров Первого полка он считался низшим из низших, причем никто даже не пытался скрывать от него это отношение, а он сам принимал его как само собой разумеющееся. Он пожал зудящими плечами, решил – далеко не в первый раз, – что эта проблема его не касается, и позволил своему взгляду, будто по магическому притяжению, вернуться к упражнениям несравненного полковника Глокты.

Этот человек, без всякого сомнения, прекрасно выглядел бы на портрете, однако выделяло его из общей массы то, как он улыбался, кривил губы, насмешливо вскидывал бровь – то, как он двигался. Он обладал осанкой танцора, телосложением героя, силой борца, скоростью змеи.

Два лета тому назад, в значительно более цивилизованной местности – посреди Адуи – Реус был свидетелем того, как Глокта одержал победу на турнире, не пропустив ни одного удара. Он, естественно, смотрел состязания с дешевых верхних ярусов, с такого расстояния, на котором фехтовальщики казались совсем крошечными, но и там его сердце отчаянно билось, а руки непроизвольно дергались в такт движениям бойцов. Возможность видеть своего кумира вблизи только усилила восхищение. Честно говоря, оно выросло до такой степени, что кое-кто мог бы без большой ошибки назвать это чувство любовью. Но восхищение это уравновешивалось горькой, ядовитой и тщательно скрываемой ненавистью.

У Глокты было все, а если чего и не имелось, он легко мог этого добиться, и никто не смог бы преградить ему путь. Женщины обожали его, а мужчины завидовали ему. Женщины завидовали ему, и мужчины из-за этого боготворили его. Можно было ожидать, что человек, столь щедро одаренный судьбою,

должен быть очень приятен в общении.

Но Глокта был настоящим мерзавцем. Красивым, зловредным, искусным и отвратительным негодяем, одновременно и лучшим, и худшим мужчиной во всем Союзе. Он являл собой твердыню эгоцентричной самовлюбленности. Непоколебимый бастион высокомерия. Превыше своих способностей он ставил лишь собственную уверенность в этих самых способностях. Все остальные были для него фигурами с игровой доски, очками, которые следует подсчитать, опорами, предназначенными для того, чтобы поддерживать величественный постамент, на который он возвел самого себя. Глокта поистине представлял собой ураган негодяйства, оставлявший за собой – совершенно того не замечая – след из растоптанных дружб, сломанных карьер и погубленных репутаций.

«Я» этого человека обладало такой силой, что некий странный свет, испускаемый им, искажал личности всех, кто оказывался рядом, отчего они тоже казались мерзавцами, по крайней мере, наполовину. Вышестоящие превращались в лицемеров-сообщников. Знатоки подхватывали его невежественное мнение. Порядочные принижались до безвольных подпевал. Знатные дамы – до хихикающих ничтожеств.

Реусу некогда довелось услышать о том, что самые преданные последователи гуркской религии должны совершить паломничество в Саркант. Ну а самые выдающиеся негодяи должны были, точно так же, совершить паломничество к Глокте. Подонки липли к нему, как муравьи к недоеденному пирожному. Вокруг него держался постоянно обновляющийся круг мерзавцев – стадо, в котором каждый скот был готов перегрызть любому глотку, – служивший ему декорациями для самовозвеличивания. Все эти негодяи тянулись за ним, как хвост за кометой.

Причем Реус знал, что сам нисколько не лучше всех остальных. Когда Глокта высмеивал кого-то, он хохотал вместе со всеми, отчаянно надеясь, что его жалкий подхалимаж будет отмечен кумиром. Когда же безжалостный язык Глокты неизбежно задевал его самого, он хохотал еще громче, радуясь хотя бы такому вниманию.

– Дайте им урок! – выкрикнул он, когда Глокта заставил одного из своих противников сложиться пополам, больно ткнув его коротким клинком в живот. В это самое мгновение Реус невольно подумал о возможном содержании этого урока. Вероятно, оно свелось бы к тому, что жизнь жестока, страшна и

несправедлива.

Глокта перехватил меч еще одного противника длинным клинком, молниеносно вдев в ножны короткий, отвесил ему оплеуху по одной щеке, а потом по другой и с подчеркнутым презрением оттолкнул громко заскулившего неудачника. Гражданские, прибившиеся к армии, дабы собственными глазами посмотреть на ход войны, принялись наперебой выражать свое восхищение, а сопровождавшие их дамы ворковали и обмахивались веерами в тени под хлопавшим на ветерке полотняным навесом. Реус застыл, парализованный муками совести и восторгом. Он желал лишь одного – оказаться на месте того, кто только что удостоился пощечин.

– Реус! – Неожиданно оказавшийся рядом с ним лейтенант Вест поставил ногу в пыльном сапоге на заборчик.

Вест относился к тем немногочисленным подчиненным Глокты, которые не поддавались развращающему влиянию полковника, а по поводу самых гнусных выходок своего командира даже, в отличие от прочих, дерзал высказывать негодование. Как ни парадоксально, он также был один из тех немногих, к кому Глокта вроде бы относился с искренним уважением – даже несмотря на низкое происхождение лейтенанта. Реус видел это и прекрасно понимал, но так и не нашел в себе решимости последовать примеру Веста. Вероятно, он был слишком толст. Или, возможно, ему попросту не хватало смелости на это. Хотя, если честно, смелости ему не хватало почти ни на что.

– Вест! – Реус говорил лишь одной стороной рта и не отрывал глаз от Глокты, чтоб не пропустить ни мгновения происходившего.

– Я только что был у моста.

– И что?

– В арьергарде полный хаос. Вернее сказать, что у нас вовсе нет арьергарда. Капитан Ласки слег. Говорят, он может остаться без ноги.

– Значит, не с той ноги встал. – Реус хохотнул над собственной шуткой, поздравив себя с тем, что сумел высказать нечто достойное, пожалуй, несравненного Глокты.

– Рота без него рассыплется.

– Ну, полагаю, это проблема роты… Бей! Бей! О-о-о-о! – Глокта сделал ловкое обманное движение, подсек ногу противника, и тот закувыркался в пыли.

– Как бы это не превратилось очень скоро во всеобщую проблему. – Вест никак не желал угомониться. – Люди изнемогают. Еле идут. Обозы перепутались и мешают друг другу…

– Обозы всегда путаются, для них это естественная форма существования… О! – Глокта изобразил еще один финт и с немыслимой скоростью ударил противостоявшего ему мужчину – хотя его правильнее было бы назвать мальчишкой – ногой в пах. Тот сложился пополам и выпучил глаза от боли.

– Но если сейчас появятся гурки… – гнул свое Вест, не сводя взгляда с выжженной солнцем местности, раскинувшейся за рекой.

– До гурков отсюда мили и мили. Знаешь, Вест, ты всегда о чем-то тревожишься.

– Но кто-то ведь должен…

– Ну и обращайся к лорд-маршалу! – Реус кивнул в сторону Варуза, который настолько увлекся сложным сочетанием фехтования с издевательством, что подался вперед и едва не упал со стула. – Лично я и рад бы тебе помочь, но даже не представляю, что мог бы сделать в такой ситуации. Подать рапорт об увеличении рациона для лошадей?

Его перебил громкой шлепок – это Глокта хлестнул последнего из своих противников клинком плашмя по лицу, и тот, вскрикнув от боли, замер на месте, прижимая ладонь к щеке.

– Говорите, это лучшие из лучших? – Глокта шагнул вперед и с силой пнул одного из своих недавних противников, пытавшегося подняться с земли, ногой в зад, отчего тот, к восторгу окружающих, снова полетел лицом в пыль. Глокта поглощал аплодисменты, как один из распространенных в джунглях цветков-паразитов поглощает соки своего хозяина; он кланялся, улыбался, рассылал воздушные поцелуи, и Реус до боли хлопал в ладоши.

Какой же мерзавец этот полковник Глокта! Но до чего же обаятельный.

Все трое партнеров поплелись из круга лечить ушибы, которые пройдут очень скоро, и изживать унижение, которое, невзирая ни на какие усилия, останется с ними до могилы, а Глокта перегнулся через заборчик, за которым собрались дамы. Из них он уделял особое внимание леди Веттерлант – молодой, богатой, красивой (хотя, определенно, напудренной сверх меры) и, несмотря на жару, одетой роскошно и по самой последней моде. Она недавно вышла замуж, но ее пожилому мужу пришлось, в интересах политики Открытого совета, остаться в Адуе. Поговаривали, что он удовлетворяет ее финансовые запросы, но во всех остальных отношениях женщины ему уже неинтересны.

Ну а полковник Глокта, очень даже интересующийся женщинами, имел весьма скверную репутацию.

– Вы не одолжите мне носовой платок? – спросил он.

Реус давно обратил внимание на особую манеру, с которой Глокта разговаривал с приглянувшимися ему женщинами. Голос немного грубоват. Реплики чуть запаздывают – самую малость, всего лишь на мгновение. И полностью сосредоточенное на собеседнице внимание, как будто взгляд полковника приклеен к ее глазам. Вряд ли стоит пояснять, что, получив свое, он не стал бы оглядываться на вчерашнюю возлюбленную, даже если бы та ради него взошла на костер.

И все же каждый новый объект его увлечения с покорной безропотностью мотылька, вьющегося вокруг огня свечи, позволял увлечь себя в пламя скандала и никогда не выказывал сил и желания против столь заманчивой возможности бросить вызов светской морали.

Леди Веттерлант приподняла тщательно выщипанную бровь.

– Почему бы и нет, полковник. – И она подняла руку, чтобы достать платочек из-за корсажа. – Я…

И она сама, и ее спутники и ахнуть не успели. Затупленный длинный клинок Глокты сверкнул быстрее молнии и выдернул платок из-за материи, облегавшей

грудь. Тончайшая ткань, затрепетав в воздухе, медленно опустилась в подставленную руку. Все это напоминало магический фокус.

Одна из дам хрипло закашлялась. Другая затрепетала ресницами. Леди Веттерлант застыла в полной неподвижности с широко распахнутыми глазами, полуоткрытым ртом и руками, не донесенными до груди. Вероятно, все задумались об одном: что полковник, буде у него возникло бы такое желание, так же легко срезал бы все застежки на корсаже.

Реус нисколько не сомневался, что такое вполне возможно.

– Благодарю, – сказал Глокта, коротко приложив платок ко лбу.

– Возьмите его себе, – хрипловатым полушепотом произнесла леди Веттерлант. – Считайте это моим подарком.

Глокта улыбнулся и убрал платок под рубашку, оставив на виду уголок пурпурной ткани.

– Буду хранить ваш дар у самого сердца.

Реус фыркнул. Можно подумать, что у него есть сердце.

Глокта же добавил, понизив голос:

– Вы позволите когда-нибудь вернуть его?

– В любой момент, когда у вас выдастся возможность, – прошептала она, и Реус в который раз не мог не задуматься над тем, почему то, что вредно, опасно и даже гибельно, всегда обладает такой притягательностью.

Глокта снова повернулся к своим зрителям и раскинул руки так, будто хотел заключить их всех в жестокие, презрительные, сокрушительные объятия.

– Неужели среди вас, жалкие шавки, не найдется никого, кто помог бы порадовать наших гостей сколько-нибудь приличным зрелищем? – Взгляд Глокты остановился на Реусе, и у того перехватило дыхание, будто его с силой

толкнули в грудь. – Реус, может быть, ты?

Кругом захохотали, и Реус – громче всех.

– О, пожалуй, я воздержусь, – пискнул он. – Боюсь обидеть вас!

Он тут же сообразил, что хватил через край. Левый глаз Глокты чуть заметно дернулся.

– Да оказаться рядом с тобой, хотя бы в одной комнате – уже оскорбление. Ты вроде бы солдат, верно? Так с чего же ты все время жиреешь на таких поганых харчах?

Новый взрыв хохота. Реус сглотнул и старательно натянул на лицо улыбку, ощущая, как под формой вдоль хребта бежит струйка пота.

– Видите ли, сэр, я всегда был толстым. Даже в детстве. – Его слова рухнули во внезапно наступившую тишину с той обреченностью, с какой жертва падает в братскую могилу. – Очень толстым… Страшно толстым. Я очень толстый… – Он кашлянул, прочищая горло и мечтая о том, чтобы земля сейчас разверзлась и поглотила его.

Взгляд Глокты блуждал по толпе в поисках достойного соперника. Вдруг его лицо просветлело.

– Лейтенант Вест! – воскликнул он, и его учебный клинок сверкнул в воздухе. – А вы не желаете?

Вест моргнул от неожиданности.

– Я?

– Давай, давай. Ты же, безусловно, лучший фехтовальщик во всем этом треклятом полку. – Улыбка Глокты стала еще шире. – Лучше всех, кроме одного.

Все так же моргая, Вест обвел взглядом несколько сотен, не меньше, насторожившихся в ожидании лиц.

– Но… у меня нет при себе затупленных клинков…

– Так дерись боевым.

Лейтенант Вест опустил взгляд на эфес своего меча.

– Это довольно опасно.

Улыбка на лице Глокты сделалась поистине убийственной.

– Может оказаться опасным, но для этого тебе нужно будет коснуться меня. – Снова смех, снова аплодисменты, несколько возгласов со стороны военных, несколько вздохов со стороны дам. Когда нужно было заставить дам ахать, полковник Глокта не знал себе равных.

– Вест! – выкрикнул кто-то. – Вест! – И через несколько секунд уже все скандировали: – Вест! Вест! Вест! – Дамы смеялись и хлопали в такт в ладоши.

– Давай! – заорал, вливаясь в общий хор, Реус, охваченный, как и все, той манией, которая заставляет толпу набрасываться на кого-то одного. – Давай!

Если кому-то и не нравилась эта затея, они благоразумно держали свое мнение при себе. Просто-напросто есть люди, с которыми не спорят. Просто-напросто есть люди, которых любой с удовольствием увидел бы пропоротыми насквозь. Глокта относился и к тем, и к этим.

Вест медленно перевел дух, под жидкие аплодисменты легко перепрыгнул через ограду, расстегнул камзол и перебросил его за заборчик. Тщательно приглядевшись, можно было бы заметить по выражению лица, что он недоволен и даже, пожалуй, удручен. Чуть слышно звякнув металлом, Вест обнажил свой боевой клинок. Он не бросался в глаза ни изукрашенной драгоценными камнями крестовиной, ни изящным плетением прутьев гарды, ни гравированной рикассой, чем так любили щеголять многие из блестящих молодых офицеров Первого полка Его Величества. Никто не назвал бы этот меч красивым.

И все же в том, как Вест поднял его, в выверенной позе, в элегантной точности движения руки, в которой клинок держался идеально ровно, как поверхность

стоячего пруда, в том, как солнце сияло на отточенном до смертоносной остроты лезвии, ощущалась прекрасная в своей экономности простота.

Толпа стихла и, казалось, даже перестала дышать. Пусть молодой лейтенант Вест был простолюдином, но, глядя, как он держит меч, даже самый предубежденный зритель не назвал бы его неуклюжим деревенщиной.

– Ты где-то учился, – заметил Глокта, перебросив короткий клинок своему слуге капралу Танни и оставшись с длинным.

– Лорд-маршал Варуз любезно согласился дать мне несколько советов, – ответил Вест.

Глокта, вскинув бровь, взглянул на старого наставника фехтовальщиков.

– Вы, сэр, никогда не говорили, что вам доводилось обучать кого-то еще.

Лорд-маршал улыбнулся.

– Глокта, ты уже выиграл турнир. Трагедия мастера фехтования в том, что ему постоянно приходится вести к победе новых и новых учеников.

– Очень мило с твоей стороны, Вест, что ты принюхиваешься к моей короне. Но тебе придется усвоить, что я вовсе не настроен отрекаться досрочно. – Глокта быстрее молнии метнулся вперед, сделал выпад, еще один. Вест парировал, сталь звенела, сверкая на солнце. Он отступал, но медленно, осторожно, все время глядя Глокте в глаза. Глокта снова пошел в атаку – два рубящих удара и укол – настолько быстро, что Реус не разглядел толком его движений. Но Вест сопротивлялся вполне успешно и, отражая удар за ударом, медленно пятился назад, а толпа громко охала и ахала при каждом столкновении клинков.

Глокта ухмыльнулся.

– А ты и впрямь учился. Но когда же ты, Вест, поймешь, что самый упорный труд никогда не заменит таланта! – И он еще быстрее и яростнее налетел на Веста. Лязгала, сталкиваясь, сталь. Глокта подошел поближе, изловчился и безжалостно пнул молодого лейтенанта коленом в бок; Вест поморщился,

споткнулся, но тут же взял себя в руки, парировал раз, другой, отступил, разорвав дистанцию и, хотя и тяжело дышал, был готов продолжать бой.

И Реус поймал себя на том, что ему до боли хочется, чтобы Вест полоснул Глокту прямо поперек его отвратительного, прекрасного лица и заставил дам ахнуть уже совсем по другому поводу.

– Ха! – Глокта ринулся вперед, сделал выпад, и Вест уклонился от первого удара, но, ко всеобщему изумлению, сам шагнул навстречу следующему, отбросил атакующий клинок так, что сталь застонала, вступил в пределы защиты Глокты и с силой толкнул его плечом. Глокта на мгновение утратил равновесие, а Вест, рыча и оскалив зубы, снова взмахнул сверкнувшим на солнце мечом.

– Ха-а! – Глокта подался назад, и Реус с восхищением увидел, как его лицо перекосилось от гнева и потрясения. Тренировочный клинок вылетел из руки и эфесом вперед далеко уехал в пыли, а Реус заметил, что от восторга до боли стиснул кулаки.

Вест тут же кинулся к своему сопернику.

– Вы не пострадали, сэр?

Глокта прикоснулся одной рукой к шее и в полнейшем недоумении уставился на окровавленные кончики пальцев. Словно не веря, что противник успешно подловил его. Словно не веря, что, если его подловят, из него, как из любого другого человека, брызнет кровь.

– Ишь ты!.. – буркнул он.

– Прошу прощения, полковник, – не без труда выговорил Вест, опустив меч.

– За что? – Кривая улыбка Глокты выглядела так, будто для того, чтобы изобразить ее, ему потребовались все силы без остатка. – Отличное туше. Ты, Вест, хорошо продвинулся.

И толпа захлопала в ладоши и заголосила, а Реус заметил, что у Глокты на скулах играют желваки и левый глаз подергивается, а потом он поднял руку и

коротко щелкнул пальцами.

– Капрал Танни, мой боевой клинок у тебя с собой?

Молодой капрал, получивший это звание только накануне, испуганно заморгал:

– Конечно, сэр!

– Если не затруднит, подайте его сюда.

Атмосфера накалялась с ужасающей быстротой. Впрочем, с атмосферой, окружающей Глокту, так бывало часто. Реус тревожно оглянулся на Варуза, рассчитывая, что тот пресечет это кошмарное безобразие, но лорд-маршал покинул свое место и, отойдя в сторону, рассматривал долину. Поулдер и Крой, естественно, последовали за ним. Так что на помощь со стороны старших можно было не рассчитывать.

Вест, глядя в землю, аккуратно убрал меч в ножны.

– Мне кажется, сэр, что на сегодня игр с ножами уже хватит.

– Но вы же должны дать мне шанс расквитаться. Я не могу так уйти, Вест, этого требует честь. – Как будто Глокта имел хоть какое-то представление о том, что честь – это не только веревочка, дергая за которую можно заставить людей совершать глупые, опасные поступки. – Пусть ты и не благородного происхождения, но должен это понимать!

Лицо Веста окаменело.

– Сэр, сражаться острым оружием со своими перед лицом врага – это скорее глупость, нежели честь.

– Ты назвал меня глупцом? – прошептал Глокта, и боевой клинок, который, держа оружие за ножны, протягивал ему взволнованный капрал Танни, злобно зашипев, вылетел из ножен.

Вест упрямо скрестил руки на груди.

– Нет, сэр.

Толпа зрителей вдруг затихла, но за спинами зрителей возник и стремительно усиливался какой-то ропот. Реус уловил отдельные выкрики «Там!» и «Мост!», но не обратил на них внимания – слишком сильно занимала его разворачивавшаяся перед ним драма.

– Советую вам защищаться, лейтенант Вест! – рявкнул Глокта и, непоколебимо упершись ногами в пыль площадки, оскалил зубы и поднял клинок.

И тут раздался душераздирающий вопль, сменившийся мучительным стоном.

– Она в обмороке! – крикнул кто-то.

– Дайте ей воздуху!

– Откуда? Клянусь вам, что во всей этой проклятой стране не найдется воздуха даже на один вдох. – И хохот, похожий на лошадиное ржание.

Реус поспешил к местам, отведенным для гражданских, делая вид, будто намерен оказать помощь. О том, как помогать людям, потерявшим сознание, он знал еще меньше, чем о своих обязанностях квартирмейстера, зато женщине, лежащей без чувств, можно без особого труда заглянуть под юбки. Печальный факт, но Реусу крайне редко (а если говорить начистоту, то и вовсе никогда еще) не удавалось заглянуть под юбки женщины, находящейся в сознании.

Но, не успев дойти до кучки доброхотов, Реус застыл на месте: в просвете между зрителями, собравшимися поглазеть на забаву, он увидел такое, что ему показалось, будто все его изобильные внутренности стремительно вываливаются через задницу. Там, на бежевой равнине стремительно сгущался рой черных точек, за которыми тянулись густые хвосты пыли. Возможно, Реус и впрямь мало для чего годился, но что-что, а чувство опасности у него было обостренное.

Он вскинул дрожащую руку и завопил:

– Гурки!

– Чего-чего? – неуверенно хохотнул кто-то.

– Там, на западе!

– Это восток, болван!

– Погоди, ты что, серьезно?

– Нас всех зарежут в кроватях!

– Мы пока еще не в кроватях!

– Молчать! – взревел Варуз. – Это вам не пансион благородных девиц. – Болтовня быстро затихла; офицеры вытянулись с виноватым видом. – Майор Миттерик, немедленно спуститесь туда и подгоните людей.

– Есть, сэр.

– Лейтенант Валлимир, не будете ли вы столь любезны проводить дам и наших гражданских гостей в безопасное место?

– Безусловно, сэр.

– На мосту их могут остановить даже несколько человек, – сказал полковник Поулдер, поправив свои роскошные усы.

– Несколько героев, – уточнил Варуз.

– Несколько мертвых героев, – чуть слышно сказал полковник Крой.

– У вас есть свежие бойцы? – спросил Варуз.

Поулдер пожал плечами.

– Мои все вымотались.

– И мои тоже, – вставил Крой. – Еле держатся на ногах.

Можно было подумать, что вся война – это соревнование в том, кто из них сильнее измучает свой полк.

Полковник Глокта звучно вбросил меч обратно в ножны.

– Мои люди в хорошем состоянии, – сказал он, и Реус почувствовал, что страх стремительно расползается от желудка во все уголки его существа. – После нашей последней прогулки они уже вполне отдохнули. Они бьют копытами, ощущая присутствие врага. Осмелюсь доложить, лорд-маршал, что Первый полк Его Величества сочтет за честь удержать мост до тех пор, пока армия не выйдет из опасной местности.

– Бьем копытами! – заорал один из офицеров Глокты, напившийся до такой степени, что совершенно не мог понять, сколь опасным будет дело, на которое от имени всего полка вызвался командир.

Второй, немного потрезвее, нервно мигая, разглядывал долину. Реус гадал, много ли народу из Первого Его Величества полка готово согласиться с полковником. Например, квартирмейстер вовсе не горел желанием отдать жизнь за други своя и светлое будущее и нисколько не сомневался в своей правоте.

Но лорд-маршал Варуз стал главнокомандующим армии Союза отнюдь не потому, что жалел солдат и не был готов посылать их на смерть для того, чтобы исправлять свои упущения. Он тепло хлопнул Глокту по плечу.

– Мой друг, я всегда знал, что могу на вас положиться!

– Конечно, сэр.

И Реус понял, отчего охвативший его ужас сделался еще сильнее, что это правда. На Глокту всегда можно было положиться, если он получал возможность покрасоваться перед другими, и его совершенно не тревожила опасность, которой подвергнутся те, кто последует за ним в зубы смерти.

Варуз и Глокта, командир и любимый офицер, мастер фехтования и его лучший ученик и к тому же пара негодяев, равных которым не сыскать и за год, вытянулись и с фальшивым чувством отсалютовали друг другу. Затем Варуз зашагал прочь. На ходу он раздавал Поулдеру, Крою и ничтожествам из своей свиты приказы, которые, по всей вероятности, сводились к тому, чтобы поторопить армию и не дать жертве Первого полка Его Величества пропасть попусту.

Потому что, как понимал Реус, глядя на неудержимо стремящийся к мосту прилив гуркской атаки, вероятнее всего, полк падет там в полном составе.

– Это самоубийство, – прошептал он себе под нос.

– Капрал Танни! – крикнул Глокта, застегивая камзол.

– Сэр? – Самый восторженный из молодых солдат вытянулся в восторженном салюте.

– Не мог бы ты принести мою кирасу?

– Конечно, сэр. – И он умчался со всех ног. Много народу уже бежало по каким-то делам. Офицеры – собирать солдат. Солдаты – седлать лошадей. Гражданские – убраться прочь (и среди них леди Веттерлант, бросавшая через плечо томные взгляды, и глаза у нее были полны слез). А ведь Реус – квартирмейстер полка, верно? Значит, у него тоже должно быть какое-то неотложное дело. И все же он растерянно стоял на прежнем месте с широко раскрытыми глазами, тоже полными слез, открытым ртом, расставленными руками и не был годен совершенно ни на что.

Миру были явлены две разновидности смелости. Лейтенант Вест, бледный, играя желваками на скулах, хмуро смотрел на мост, и было ясно, что ему очень страшно, но он исполнит свой долг. Ну а полковник Глокта заигрывал со смертью, как с очередной неверной женой, просил от нее новых и новых знаков внимания и был действительно бесстрашен, ибо знал, что опасность может грозить только никчемным людишкам.

– Миру явлены три разновидности смелости, – поправил себя Реус, – потому он ведь тоже находился здесь и не имел ни капли того, что называют этим словом.

И, конечно же, вскоре явилась и четвертая разновидность в образе юного капрала Танни – начищенные пряжки сверкают на солнце, руки почтительно держат кирасу Глокты, глаза горят свойственным неискушенной юности стремлением проявить себя.

– Благодарю, – сказал Глокта, когда Танни застегнул все, что нужно было застегнуть; сам он все это время не сводил взгляда с приближавшейся по ту сторону реки массы гуркской конницы, которая с пугающей быстротой увеличивалась в численности. – А теперь, будь любезен, вернись в палатку, собери все мои вещи и позаботься, чтобы они были в целости и сохранности.

Лицо Танни вытянулось от разочарования.

– Сэр, я надеялся сражаться бок о бок с вами…

– Я в этом не сомневаюсь и сам желал бы, чтоб ты в бою прикрывал мне спину. Но если мы оба погибнем, кто же отвезет матери мое барахло?

Юный капрал смахнул слезы.

– Но, сэр…

– Иди, иди. – Глокта хлопнул его по плечу. – Не желаю прерывать на взлете такую блестящую карьеру. Уверен, что когда-нибудь ты станешь лорд-маршалом. – Глокта отвернулся от остолбеневшего капрала и полностью выкинул его из головы. – Капитан Лакенхорм, не сочтите за труд собрать солдат и вызвать добровольцев.

Огромный кадык на тощем горле Лакенхорма неуверенно дернулся.

– Добровольцев для какого дела, полковник? – Будто это не было яснее ясного и предстоящая задача не развертывалась перед ними во всей красе на дне обширной долины: неспешно разворачивающаяся на огромной сцене мелодрама.

– Неужели неясно, козел ты тупой? Отогнать гурков от моста. А теперь дуй и как хочешь, но заставь всех снарядиться и построиться, да побыстрее.

Капитан нервно улыбнулся и порысил прочь, едва не споткнувшись о собственный меч.

Глокта вскочил на ограду – одна нога на верхней жерди, другая – на нижней.

– Дети мои, удальцы из Первого Королевского! Я намерен с вашей помощью преподать сегодня гуркам небольшой урок!

Столпившиеся вокруг молодые офицеры возбужденно подпрыгивали, как утки, будто те патриотические банальности, которыми сыпал Глокта, были вкусными крошками.

– Я не стану отдавать приказ – пусть решение, которое примет каждый из вас, останется на его собственной совести! – Он скривил губы. – Что скажешь, Реус? Готов ковылять за нами?

Реус решил, что его совесть вполне выдержит это бремя.

– Полковник, я был бы счастлив участвовать в атаке, но мои ноги…

Глокта громко фыркнул.

– Очень даже понимаю – мало какие ноги смогут таскать такую тушу. И я не посмею обременять подобной тяжестью ни в чем не повинную лошадь. – Общий хохот. – Одни созданы для великих свершений. Другие… ну, они такие, какие есть. Реус, конечно, мы тебя простим – разве ты мог в этом сомневаться?

Оскорбление было тяжким, но его тут же смыло могучей волной облегчения. Ведь известно, что лучше смеется тот, кто смеется последним, а Реус был уверен, что уже через час большинству его обидчиков будет не до смеха.

– Сэр, – обратился Вест к полковнику, когда тот с ловкостью акробата перемахнул с загородки в седло, – вы уверены, что туда должны идти именно мы?

– А кто еще, по-вашему, может туда пойти? – вопросом на вопрос ответил Глокта и, резко дернув поводья, заставил своего жеребца встать на дыбы и

развернуться на месте.

– Погибнет много народу. У большинства есть семьи.

– Ну, тут ничего не поделать. Это война, лейтенант. – Офицеры отозвались подобострастным хохотом. – Именно для этого мы здесь и находимся.

– Конечно, сэр. – Вест сглотнул. – Капрал Танни, будь добр, оседлай мою лошадь…

– Нет, лейтенант Вест, – оборвал его Глокта. – Мне нужно, чтобы вы остались здесь.

– Сэр?..

– Когда эта заваруха закончится, мне понадобится здесь один-другой офицер, способный отличить собственную задницу от пары дынь. – Он метнул убийственный взгляд в сторону Реуса, который как раз попытался немного подтянуть морщащиеся со всех сторон брюки. – И кроме того, мне сдается, что у твоей маленькой сестрички, когда она вырастет, будет очень непростой характер. Я же не могу допустить, чтобы она осталась без твоего отрезвляющего влияния, верно?

– Но полковник, я…

– И слушать не хочу, Вест. Ты останешься здесь. Это приказ.

Вест открыл было рот, видимо, собираясь возразить, потом резко стиснул зубы, вытянулся и отдал неловкий салют. Капрал Танни последовал его примеру; в уголке его глаза блестела слеза. Реус, ощущая себя виноватым, сделал то же самое. Его голова кружилась и от страха, и от восторга, который вызывала в нем мысль о том, что вселенная скоро освободится от Глокты.

Полковник ухмыльнулся им, продемонстрировав полный комплект прекрасных зубов – настолько белых, что глядеть на них при ярком солнечном свете было чуть ли не больно для глаз.

– Пойдемте, джентльмены. Сентиментальные прощания вовсе ни к чему. Вы и глазом моргнуть не успеете, как я вернусь!

Дернув поводьями, он заставил своего коня попятиться, застыл на мгновение, напоминая на фоне яркого неба изваяние кого-то из древних героев, и Реус подумал, что вряд ли мир когда-либо еще видел столь обаятельного негодяя.

А потом ему в лицо ударила взметнувшаяся пыль – это Глокта помчался вниз по склону.

Прямо к мосту.

Мелкие благодеяния

Вестпорт, осень 573 года

Явившись в то утро, чтобы открыть свой Дом дыма, Шев прежде всего увидела пару огромных грязных босых ступней, торчавших из дверного проема.

В былые времена подобное зрелище не на шутку потрясло бы ее, но за последние пару-тройку лет Шев приучила себя трезво думать даже и в потрясенном состоянии.

– Эй! – воскликнула она и, стиснув кулаки, направилась вперед.

Тот, кто лежал у нее в двери, уткнувшись носом в пол, то ли не желал, то ли не мог двигаться. Она видела длинные ноги, к которым крепились эти самые ступни; ноги были одеты в грязные, рваные брюки, а дальше следовало столь же грязное и волглое тряпье, представлявшее собой пальто. И, наконец, в загаженном углу прямо под дверью Шев покоилась копна длинных рыжих волос, обильно смешанных с соломой и грязью.

Да уж, здоровенный мужик. Оказавшуюся на виду кисть руки длиной со ступню Шев, опутывали вздувшиеся вены, а кожа на костяшках пальцев была сбита. Но было в этой кисти что-то необычное. Изящество.

– Эй! – Она всадила носок башмака в пальто примерно там, где должна бы находиться задница. Никакой реакции.

Она услышала шаги за спиной.

– Утречко, хозяйка. – На работу явился Секутор. Этот парень никогда не опаздывает. Не самый ловкий работник, но уж в непунктуальности никто его не упрекнет. – Что это вы здесь поймали?

– Да, знаешь ли, вынесло к моим дверям странную рыбку. – Шев подцепила пальцами прядь рыжих волос и наморщила нос, поняв, что они заляпаны кровью.

– Он пьян?

– Она. – Уткнувшись лицом в грязь, лежала женщина. Широкая в кости, с мощным подбородком и бледной кожей, на которой были отлично видны и черный струп, и красная ссадина, и багровый синяк, увидев который Шев поморщилась, хотя ей, вообще-то, очень редко приходилось иметь дело с людьми, которых не украшал шрам-другой.

Секутор негромко присвистнул.

– Эва, сколько ее!

– И кто-то весьма изрядно измолотил. – Шев наклонилась, подставила щеку почти вплотную к распухшим от побоев губам женщины и ощутила чуть заметное дыхание. – Но пока жива. – Она отодвинулась, застыла на корточках, положив запястья на колени и свесив кисти рук, и стала думать, что же делать. Ей случалось без оглядки кидаться во всякие безобразия, но почему-то даже самые надежные, казалось бы, барыши никогда не прилипали к ее рукам. Она надула щеки и испустила скорбный вздох.

– Что случилось, то случилось, – сказал Секутор.

– Увы, да.

– Но ведь нас это не касается, верно?

– К счастью, нет.

– Прикажете оттащить ее на улицу?

– Н-да, мне этого очень хотелось бы. – И Шев возвела глаза к небу и вздохнула еще тяжелее, чем в первый раз. – Но сдается мне, что лучше будет занести ее внутрь.

– Уверены, хозяйка? Помните, когда в прошлый раз стали кому-то помогать?..

– Уверена? Нет.

Шев понятия не имела о том, почему она после всего дерьма, которое с нею приключалось, все еще сохранила потребность делать всякое добро по мелочи. Возможно, именно потому, что с нею приключалось все это дерьмо. Возможно, была в ней какая-то упрямая сердцевина, вроде косточки в финике, никак не желавшая, чтобы дерьмо, приключавшееся с нею, превратило ее самое в дерьмо. Она повернула ключ и толчком локтя распахнула дверь.

– Бери ее за ноги.

Тем, кто управляет курительным заведением, волей-неволей приходится привыкать ворочать бесчувственные тела, но последний объект бестолкового милосердия Шев доставил им немало трудностей.

– Пропади все пропадом! – ворчал, выпучив от напряжения глаза, Секутор, пока они волокли женщину по пропахшим застарелой затхлостью коридорам, то и дело задевая ее спиной половицы. – Что у нее в брюхе, наковальни?

– Наковальни полегче будут, – простонала Шев сквозь стиснутые зубы; под тяжестью незнакомки ее мотало из стороны в сторону, так что она то и дело ударялась плечами в облупленные стены. Тяжело дыша, она пинком открыла дверь в свой кабинет – вернее, в кладовку-буфетную, которую называла своим

кабинетом. Напрягая рвущиеся мышцы, она затащила женщину туда, стукнув по дороге безвольно болтавшейся головой о косяк, потом споткнулась о тряпку и, испуганно пискнув, упала на койку, а женщина придавила ее сверху.

Шев никогда не имела предубеждений против рыжих в постели, но предпочитала, чтобы они были хотя бы в относительно сознательном, дееспособном состоянии. И предпочитала также, чтобы от них пахло немного приятнее, по крайней мере, когда они оказываются в кровати. От этой особы смердело закисшим потом, тухлятиной и едва ли не концом света.

– Вот до чего доброта доводит, – заметил, усмехнувшись про себя, Секутор. – До того, что рушишься под тяжестью забот.

– Будешь и дальше хихикать или все-таки поможешь мне, сукин ты сын? – проворчала Шев. Под аккомпанемент скрипа продавленных пружин она выбралась из-под бремени и затащила ноги женщины на кровать; ступни повисли на изрядном расстоянии от края. Кровать была небольшой, но сейчас казалась и вовсе детской. Потрепанное пальто женщины распахнулось, а надетый под ним замызганный кожаный жилет задрался.

Шев довелось год странствовать с бродячим цирком, в котором имелся, в частности, силач, именовавший себя Великолепным Зараконом (хотя в действительности его звали Ранкин). Он натирал торс маслом, надевал жилет в обтяжку и для развлечения толпы поднимал всякие тяжести. Когда же он уходил со сцены и вытирался полотенцем, никто не уговорил бы этого ленивого балбеса поднять хотя бы упавший на пол наперсток. Живот у него состоял из твердых клеток мышц, как будто под туго натянутой кожей у него находилось не мясо, а резное дерево.

Бледным животом и торсом женщина напомнила Шев Заракона, правда, она была длиннее, стройнее и худее. Между ребрами, двигавшимися в такт мелким вдохам и выдохам, можно было разглядеть все мелкие связки. Вот только вместо масла живот был покрыт синяками, среди которых особо выделялся огромный багровый кровоподтек, какой мог остаться после удара, например, обухом топора с хорошего размаха.

Секутор негромко присвистнул.

– А ведь ее и впрямь здорово отколошматили…

– Угу. – Шев куда лучше, чем хотелось бы, знала, что при этом ощущаешь, и потому, поморщившись, одернула жилет, а затем извлекла одеяло и накрыла женщину. Да еще и подоткнула слегка одеяло вокруг шеи женщины, ощущая себя при этом совершенной дурой, а женщина что-то пробормотала, повернулась на бок и захрапела, вздымая дыханием накрывшие рот свалявшиеся волосы.

– Приятных снов, – пробормотала Шев. Не сказать что она сама когда-нибудь видела такие. И не то чтобы ей действительно нужна была кровать здесь, но, когда несколько лет подряд живешь, не имея нормального места для сна, так и тянет завести лежанку в любом хоть мало-мальски похожем на безопасное месте, какое удастся отыскать. Она отогнала воспоминания и выгнала Секутора в коридор. – Лучше иди двери открой. Дела у нас идут не столь блестяще, чтобы мы позволяли посетителям мимо проходить.

– Неужто весь народ прямо с утра ломанется за хаском? – осведомился Секутор, пытаясь вытереть с ладони сгусток крови женщины.

– Зачем тому, кто хочет позабыть о своих несчастьях, дожидаться обеда?

При свете дня курительная комната нисколько не походила на очаровательную, полную чудес пещеру, какую Шев представляла себе, покупая заведение. Упершись руками в бока, она посмотрела по сторонам и снова, в который уже раз, тяжело вздохнула. По правде говоря, оно имело более чем просто случайное сходство с самой заурядной сральней. Растрескавшиеся, испещренные несмываемыми пятнами половицы, грозившие занозами, подушки, засаленные, как в баольской кухне, одна из дешевых драпировок сорвалась с гвоздя и предательски открывала поеденную сыростью заплесневелую штукатурку. Какое-то отдаленное подобие стильности создавали лишь молитвенные колокольчики на полке, и Шев точным движением стукнула по самому большому из них, а потом на цыпочках отошла в сторону, чтобы приколоть угол драпировки на место – так плесень не будет хотя бы попадаться на глаза, хотя обоняние исправно сообщало о ее наличии: запах гнилого лука был неистребим.

Даже столь умелая лгунья, как Шев, не могла бы убедить столь доверчивую простушку, как Шев, что это не сральня. Но пусть и сральня, зато ее собственная. И у нее были планы, как обустроить ее. У нее всегда имелись

планы.

– Ты почистил трубки? – спросила она, когда портьеры раздвинулись, пропуская Секутора, открывшего входные двери.

– Хозяйка, тех, кто сюда приходит, чистота трубок не волнует.

Шев нахмурилась.

– Она меня волнует. Пусть у нас не самое просторное заведение, не самое комфортабельное и хаск у нас не высшего сорта, и – она вскинула брови и взглянула на рябое лицо Секутора, – и трубки подносят не самые красивые прислужники, но все же в чем у нас преимущество перед конкурентами?

– У нас дешево?

– Нет, нет, нет. – Она тут же задумалась. – Ладно, пусть так. Но в чем еще?

Секутор вздохнул.

– Особый подход к клиентам?

– Динь! – сказала Шев, щелкнув по самому большому из молитвенных колокольчиков и заставив его испустить тот самый божественный звук. – Так что иди-ка, ленивый поганец, чистить трубки и разожги хоть немного углей.

Секутор надул щеки, обрамленные курчавой бородкой, из тех, какие молодежь отращивает, чтобы выглядеть старше, а на самом деле они придают им совершенно ребяческий вид.

– Слушаюсь, хозяйка.

Как только он вышел, Шев услышала шаги со стороны входа, положила ладони на стойку – вернее, на мясницкую колоду, которую она вытащила из мусорной кучи, отмыла и отполировала, – и приняла профессиональную позу. Она позаимствовала ее у торговца коврами Гусмана, который был самым лучшим из всех треклятых торговцев, каких она только знала. Он вел себя так, что любой

сразу верил, будто по купленному у этого парня ковру проходит путь к выходу из всех бед.

Впрочем, все профессиональные манеры как рукой сняло, едва Шев увидела, кто вальяжной походкой вошел в ее заведение.

– Каркольф, – выдохнула она.

Видит бог, Каркольф представляла собой сущую напасть. Высокую, красивую, белокурую напасть. Благоухающую, мило улыбающуюся, быстро соображающую, с проворными пальцами напасть, неуловимую, как дождь, и переменчивую, как ветер. Шев оглядела ее с головы до пят. Впрочем, ничего иного ей и не оставалось.

– Что ж, похоже, мой день налаживается, – проворчала она.

– И мой тоже, – отозвалась Каркольф и скользнула между портьерами, так что солнечный свет озарил ее волосы сзади, превратив их в подобие нимба. – Давно не виделись, Шеведайя.

С появлением Каркольф облик помещения заметно облагородился. Ни на одном базаре Вестпорта нельзя было найти узора лучше тех, которыми она украшала себя. Одежды не обтягивали ее, но прилегали к телу именно там, где нужно, да еще она умела совершенно по-особому держать ягодицы. Боже, о эти ягодицы! Они так и ходили из стороны в сторону, будто вовсе не крепились к хребту, как у всех добрых людей. Если верить слухам, то она была когда-то танцовщицей. День, когда она оставила это занятие, несомненно, принес большие потери танцевальному искусству, но сильно способствовал развитию искусства мошенничества.

– Пришла покурить? – осведомилась Шев.

Каркольф усмехнулась.

– Предпочитаю ясную голову. Только так и можно по достоинству оценить радости жизни.

– Полагаю, это зависит от того, достойна твоя жизнь того, чтобы ей радоваться, или нет.

– Моя – достойна, – ответила Каркольф, оглядывая помещение с таким видом, будто она была тут хозяйкой, а Шев – уважаемой гостьей. – Что ты думаешь о Талинсе?

– Никогда не любила его, – пробормотала Шев.

– Я нашла там работу.

– Мне всегда там нравилось.

– Мне нужен партнер. – Молитвенные колокольчики стояли не так уж низко. И все же, чтобы пристально взглянуть на них, Каркольф наклонилась. Выглядело это совершенно невинно. Но Шев очень сомневалась в том, что Каркольф хоть раз в жизни совершила какой-либо невинный поступок. Особенно если она для какой-то надобности склоняла голову. – Мне нужен человек, которому я могла бы доверять. Способный прикрыть мою задницу.

Шев почему-то слегка охрипла.

– Если дело в этом, то ты пришла как раз туда, куда нужно, вот только… – И она уставилась куда-то в пространство, а в сознании у нее что-то стучало, будто туда вломился незваный гость. – Ты ведь не только за этим пришла, верно? Осмелюсь предположить, что, вероятно, делу вряд ли помешает, если твой партнер сумеет подломить замок или щипнуть на кармане.

Каркольф улыбнулась, будто эта идея вовсе не приходила ей в голову.

– Делу это не помешает. Но будет хорошо, если моя партнерша сумеет при этом держать рот на замке. – И она подплыла к Шев, глядя на нее сверху вниз, поскольку была изрядно – на несколько дюймов – выше ростом. Как и большинство народу. – Кроме, конечно, тех случаев, когда мне понадобится, чтобы она рот открыла…

– Я не идиотка.

– А какой прок был бы мне от тебя, будь ты идиоткой?

– Если я отправлюсь с тобой, то, вероятнее всего, дело кончится тем, что я останусь стоять посреди какого-нибудь грязного переулка, и добра у меня будет – только то, что на мне надето.

Каркольф наклонилась еще ближе, прямо к уху Шев, обдав ее своим ароматом, который был несравненно привлекательнее, чем гнилой лук или пот рыжей незнакомки.

– А я вот думаю о том, как бы уложить тебя в кровать. И без всякой одежды.

Шев пискнула горлом, как ржавая дверная петля. Но все же вынудила себя не хвататься за Каркольф, как тонущая девочка схватилась бы за красивое, очень красивое бревно. Слишком долго она думала тем, что у нее между ног. Пора думать тем, что между ушами.

– Такими делами я больше не занимаюсь. У меня есть хозяйство, о котором нужно заботиться. И, наверно, еще и Секутор, за которым нужен присмотр…

– Все еще пытаешься добиться порядка в мире?

– Не во всем. Только в том, что у меня под рукой.

– Шеведайя, нельзя же принимать к сердцу судьбы всех беспризорников.

– Не всех беспризорников. Только одного. – Она вспомнила о громадной женщине, лежавшей на ее кровати. – Ну, парочки…

– Ты ведь знаешь, что он влюблен в тебя.

– Я всего лишь выручила его разок.

– Потому-то он в тебя и влюбился. Никто, кроме тебя, ему не помогал. – Каркольф подняла руку, нежно поправила кончиком пальца прядь волос, выбившуюся из прически и упавшую на лицо Шев, и вздохнула.

– Этот мальчик не в те ворота стучится, бедняга.

Шев взяла ее руку за запястье и отвела в сторону. Если ты мала ростом, это вовсе не значит, что ты позволяешь кому угодно переступать через себя.

– Он не один на свете. – Она твердо встретила взгляд Каркольф и говорила спокойным ровным голосом. – Мне очень нравится представление, которое ты сейчас разыграла. Видит бог, мне очень приятно, однако лучше бы тебе прекратить. Если я нужна тебе, потому что ты хочешь меня, то моя дверь всегда открыта, а там и ноги раздвинутся. Если же я нужна тебе, чтобы выжать меня, как лимон, и выбросить в Талинсе мою пустую шкурку, то не обижайся, но я на это не пойду.

Каркольф поморщилась, глядя в пол. Не столь привлекательно, как только что улыбалась, но гораздо честнее.

– Сомневаюсь, что я понравилась бы тебе без этих игр.

– Что мешает попробовать и проверить?

– Слишком много поставлено на карту, – пробормотала Каркольф, высвободила руку и, подняв глаза, возобновила спектакль. – Ладно. Если передумаешь… будет слишком поздно. – И бросив через плечо улыбку, убийственную, как лезвие ножа, Каркольф вышла. Боже, какая же у нее была походка! Текучая, как патока в жаркий день. Как у нее такое получалось? Упражнялась перед зеркалом? Пожалуй, каждый день по несколько часов.

Дверь закрывалась, и заклинание разрушилось, и Шев снова устало вздохнула.

– Это была Каркольф? – спросил Секутор.

– Она самая, – пробормотала Шев, все еще охваченная неясным томлением; след небесного аромата все еще противостоял в ее ноздрях запаху плесени.

– Я не советовал бы доверять этой суке.

Шев фыркнула.

– Мать ее! Мне такое и в голову не придет.

– Откуда ты ее знаешь?

– Да так, отовсюду понемногу. – Оттуда, что она все время кружила возле постели Шев, но так ни разу в ней и не побывала.

– Вы с нею навроде бы схожи, – сказал Секутор.

– И наполовину не настолько, как мне хотелось бы, – пробормотала она. – Ты трубки почистил?

– Угу.

Шев снова услышала, как открылась дверь, и повернулась туда, нацепив на лицо улыбку, превращающую ее в нечто среднее между торговцем коврами и жаждущей любовницей. Может быть, это вернулась Каркольф – решила, что хочет Шев именно как Шев…

– О боже, – пробормотала она, чувствуя, что ее лицо вытянулось. Обычно, для того чтобы разочароваться в принятом решении, ей требовалось хоть немного больше времени.

– Привет, Шеведайя, – сказал Крэндол. Он тоже являл собой проблему, но куда менее приятного свойства. Ничтожество с крысиной мордой, узкими плечиками, куриными мозгами, белесыми глазами и сопливым носом, он приходился сыном Хоральду Пальцу и потому был в этом городе заметной кучей невесть чего. Этому ничтожеству с крысиной мордой свалилась в руки власть, которую оно ни в коей мере не заслужило, и потому оно было невероятно обидчивым, бессмысленно злобным и завидовало всем, обладавшим хоть чем-то таким, чего у него не было. А что-то такое, чего не было у него, имелось у каждого, хотя бы всего лишь талант, или внешность, или чувство собственного достоинства.

Шев изо всех сил пыталась прикрыться профессиональной улыбкой, хотя ей очень трудно было представить, кого она еще меньше хотела бы увидеть здесь.

– Доброе утро, Крэндол. Доброе утро, Мейсон.

Мейсон просочился в комнату следом за своим боссом. Ну, или сыном своего босса. Широкое лицо, испещренное шрамами, уши, больше похожие на цветную капусту, а нос ломали столько раз, что он сделался бесформенным, как репа. Мейсон, одна из козырных шестерок Хоральда, относился к числу тех крутых подонков, которых в Вестпорте можно было встретить где угодно, поскольку крутых подонков здесь было более чем достаточно. Слегка пригнувшись, поскольку потолок был низок, а он – высок ростом, он взглянул на Шев и, словно извиняясь, дернул уголком рта. Будто хотел сказать: «Прости, но я здесь ни при чем. Все этот дурак…»

Упомянутый дурак уставился на молитвенные колокола Шев, не то что не склоняя головы, но и вовсе скривив губы в презрительной гримасе.

– Это что еще такое? Колокольчики?

– Молитвенные колокола, – ответила Шев. – Из Тонда. – Она попыталась говорить спокойно, невзирая даже на то, что в комнату за спиной Мейсона протиснулись еще трое мужчин, старавшихся выглядеть опасными, но в столь тесной комнате производивших лишь впечатление неуклюжести. У одного, с глазами навыкате, лицо было густо покрыто рябью от перенесенной когда-то оспы, второй, одетый в слишком большое для него кожаное пальто, запутался в портьере и чуть не сорвал ее, освобождаясь, а третий держал руки в карманах, всем своим видом показывая, что у него там ножи. Несомненно, так оно и было.

Шев подумала, что никогда еще в ее заведении не собиралось столько народу. К сожалению, эти посетители не собирались платить. Взглянув на Секутора и увидев, что он нервно переминается с ноги на ногу и облизывает губы, она подняла ладонь, как бы говоря: «Успокойся, успокойся», хотя не могла не признаться самой себе, что и сама чувствовала себя не слишком спокойно.

– Вот уж не думал, что ты любишь молиться, – сказал Крэндол, сморщив нос на колокола.

– Молиться – не молюсь, – сказала Шев. – Я просто колокола люблю. Они придают помещению некое благородство. Хотите покурить?’

– Нет, а если бы и хотел, то не пришел бы в такую дерьмовую забегаловку.

Наступила тишина, а потом рябой наклонился к Шев.

– Он сказал, что это дерьмовая забегаловка!

– Я слышала, – ответила она. – В такой маленькой комнатке звуки разносятся довольно хорошо. Я и сама отлично знаю, что это дерьмовая забегаловка. У меня есть планы сделать из нее что-то получше.

Крэндол улыбнулся.

– У тебя, Шев, всегда было полно планов. Но толку от них никогда не было.

В общем-то верно, и главным образом из-за таких вот ублюдков.

– Может быть, мне наконец-то повезет, – сказала Шев. – Что тебе нужно?

– Мне нужно кое-что украсть. Зачем еще я мог бы прийти к воровке?

– Я больше не ворую.

– Воруешь, воруешь. Ты всего лишь воровка, прикидывающаяся, будто управляет засратым курительным заведением. К тому же ты мне должна.

– За что же я тебе должна?

Лицо Крэндола искривилось в гнусной ухмылке.

– За каждый день, который ты ходишь на целых, неперебитых ногах. – Шев сглотнула. Похоже, ему каким-то образом удалось сделаться еще худшим негодяем, чем прежде.

Мягко и успокоительно прозвучал низкий рокочущий голос Мейсона:

– Не по делу себя тратишь. Вестпорт потерял клевую воровку, а получил весьма посредственную торговку дурью. Сколько тебе лет? Девятнадцать?

– Двадцать один. – Хотя иногда она чувствовала себя на все сто. – Я кажусь моложе, потому что наделена юношеским пылом.

– Все равно, слишком молода, чтобы уходить на покой.

– У меня самый правильный возраст, – сказала Шев. – Я все еще жива.

– Это всегда можно исправить, – бросил Крэндол, подходя ближе. Так же близко к Шев, как совсем недавно стояла Каркольф, но совсем не так любезно.

– Дайте даме место! – потребовал Секутор, вызывающе выпятив губы.

Крэндол фыркнул.

– Даме? Ты, часом, не рехнулся, малый?

Шев видела, что Секутор прячет за спиной палку. Добрая такая дубинка, как раз вполне подходящая по весу, чтобы проломить кому-нибудь голову. Но ей меньше всего на свете нужно было, чтобы он сейчас замахивался ею на Крэндола. Потому что Мейсон в мгновение ока запихнул бы эту деревяшку ему в задницу.

– Сходи-ка лучше подмети двор, – сказала Шев. Секутор уставился на нее, выпятив подбородок, готовый к бою. Вот дурашка! Боже, неужто он и впрямь влюбился в нее?

– Я не…

– Иди, иди. Со мною все в полном порядке.

Он сглотнул, еще раз окинул громил взглядом и вышел. Шев резко коротко свистнула, и все злые взгляды сразу вернулись к ней. Она отлично знала, что значит не иметь выбора.

– Насчет твоего дела… Если я украду то, что ты хочешь, это будет последним таким требованием?

Крэндол пожал плечами.

– Может, да. А может, и нет. Все будет зависеть от того, понадобится мне, чтобы ты украла что-то еще, или нет, согласна?

– Ты хочешь сказать: понадобится ли твоему папочке?

Глаз Крэндола дернулся. Он не любил, когда ему напоминали о том, что он всего лишь мелкий прыщ в огромной тени своего отца. Но Шев всегда говорила не то, что нужно. Или то, что нужно, но в неподходящее время. Или то, что нужно, и в подходящее время, но может быть, не тому, кому следовало.

– Ты, соска поганая, будешь делать то, что тебе говорят, – он плюнул ей в лицо, – или сожгу твою засратую лавку вместе с тобой. И твоими говенными молитвенными колоколами!

Мейсон вздохнул с плохо скрытым отвращением и надул изрезанные шрамами щеки. Как будто хотел сказать: «Он всего лишь ничтожество с крысиной мордой, но я ничего не могу поделать».

Шев уставилась на Крэндола. Проклятие, как же ей хотелось боднуть его прямо в нос! Душа так и требовала. Такие ублюдки, как этот, долбали ее всю жизнь. И, наверно, следовало хотя бы однажды ответить ударом на удар. Но она знала, что ей оставалось только улыбаться. Попробуй она только стукнуть Крэндола, и Мейсон изобьет ее в десять раз сильнее и больнее. Изобьет, хотя ему самому совершенно не хочется этого делать. Он ведь зарабатывает на жизнь, делая то, что ему не нравится. И разве все мы не так живем?

Шев сглотнула. Постаралась придать лицу такое выражение, чтобы ее ярость приняли за страх. Колода всегда складывается против таких, как она.

– Полагаю, выбора у меня нет.

Крэндол ухмыльнулся, обдав ее смрадным дыханием.

– А у кого он есть?

Никогда не смотри на землю – вот в чем залог успеха.

Шев перекинула ногу через осклизлый край крыши, почувствовав, как в пах ей уперлись сломанные края черепицы, и поползла вперед, думая о том, насколько приятнее было бы перекидывать ногу через Каркольф. Внизу, на оживленной улице справа от нее, какие-то пьяные дураки взахлеб хохотали над шуткой, которую кто-то из них произнес по-сулджукски, а на этом языке Шев понимала не больше одного слова из тридцати. А вот переулок слева от нее вроде бы казался тихим и безлюдным.

Так же медленно, незаметно – всего лишь тень во тьме – она подобралась к дымовой трубе и обмотала ее веревкой. Труба на вид казалась прочной, но Шев для проверки несколько раз дернула как следует. Варини любил повторять, что весу в ней – две трети от ничего, но, даже несмотря на это, она однажды чуть не своротила трубу, и валяться бы ей на мостовой под полутонной кирпича, если бы не вовремя подвернувшийся подоконник.

Осторожность, осторожность – вот в чем залог успеха, но не помешала бы и чуточка удачи.

Ее сердце отчаянно колотилось; она медленно перевела дух и постаралась успокоиться. Давно не упражнялась. Все знали, что она лучшая из всех вестпортских воров. Потому-то ей и не позволят завязать. Потому-то она сама не позволила бы себе завязать. Это было ее благословением и ее проклятием.

«Лучшая из вестпортских воров», – пробормотала она себе под нос и, скользнув по веревке к краю крыши, заглянула вниз. Оттуда она хорошо видела стоявших по сторонам двери двух охранников в сверкавших в свете фонарей начищенных шлемах.

Почти точно в назначенное время она услышала визгливые, злые голоса шлюх. Увидела, как повернули головы охранники. Крик стал громче, и она мельком увидела, как женщины схватились между собой и упали в грязь. Охранники отлепились от двери и неторопливо отправились полюбоваться дракой, и Шев улыбнулась про себя. За несколько серебрушек эти девочки могут еще и не такое представление устроить.

Не упусти нужное мгновение – вот в чем хитрость.

В мгновение ока она перевалилась через карниз, скользнула по веревке и оказалась перед окном. Для того чтобы убедить горничную не запирать створки, хватило нескольких медяков. Шев прыгнула внутрь и закрыла окно за собой. Кто-то неторопливым легким шагом двигался вниз по лестнице, но Шев решила рискнуть. Она метнулась к свече, сжала фитиль пальцами в перчатках, и коридор погрузился в столь необходимую ей темноту.

Веревка так и свисала с крыши, но тут она ничего не могла поделать. Не могла позволить себе взять на дело напарника, который подтянул бы канат наверх. Оставалось надеяться, что к тому времени, как веревку заметят, она будет уже далеко отсюда.

Быстро забраться и быстро выбраться – вот в чем залог успеха.

Отсюда она все еще слышала, как визжали на улице дерущиеся шлюхи. Они, без сомнения, уже собрали вокруг себя целую толпу, и народ наверняка делает ставки на исход потасовки. Есть в женских драках что-то такое, что заставляет мужчин не отрывать взгляда от этого зрелища. Особенно если на этих самых женщинах не очень много одежды. Шев оттянула пальцем воротник, пустила к телу немного воздуха, заткнула глотку обнаглевшему инстинкту, толкавшему ее посмотреть на драку своими глазами, и неслышно подкралась по коридору к третьей двери, вытаскивая на ходу отмычки.

Замок был обалденно хорошим. Большинство воров даже не стали бы связываться с ним. Сразу отправились бы искать что-нибудь попроще. Но Шев не относилась к большинству воров. Она закрыла глаза, прикоснулась кончиком языка к верхней губе, вставила отмычки в скважину и взялась за дело. Всего несколько мгновений потребовалось ей, чтобы разобраться в устройстве и подцепить сувальды. С чуть слышным металлическим поскрипыванием замок открылся, и Шев, убрав язык и отмычки, повернула ручку – хотя, сказать честно, ручки интересовали ее куда меньше, чем замки, – приоткрыла дверь, просочилась внутрь, услышала звук шагов обутых ног на лестнице и почувствовала, что усмехается в темноте.

Ей совершенно не хотелось в этом признаваться, тем более самой себе, но, боже, она скучала по всему этому. Страху. Волнению. Азарту. Возбуждению от того,

что берешь чужое. Возбуждению от того, что знаешь, насколько ты хороша в этом деле.

«Лучшая из всех, мать их, вестпортских воров», – беззвучно произнесла она и наклонилась над столом. Ранец оказался именно там, где должен был находиться, по словам Крэндола, и Шев в блаженной, бархатной тишине забросила его лямку на плечо. Все шло точно так, как она планировала.

Шев шагнула обратно к двери, и под ее ногой громко скрипнула половица.

На кровати вскинулась и села, вытянувшись в струнку, женщина. Женщина в светлой ночной рубашке глядела прямо на нее.

Предполагалось, что здесь никого не будет.

Шев подняла руку в перчатке.

– Это совсем не то, что вы подумали…

Столь пронзительного крика, как тот, что издала женщина, Шев не слышала ни разу в жизни.

Ум, осторожность и точное планирование помогают вору лишь от сих до сих. А вот удача – сука подлая и далеко не всегда будет играть тебе на руку, и потому остаток пути придется преодолеть, полагаясь на смелость. Шев ринулась к окну, вскинула ногу в черном башмаке и нанесла по ставням мощный удар, от которого шпингалеты выскочили из пазов, а обе створки распахнулись, болтаясь на петлях. Женщина умолкла и, всхлипывая, набирала в грудь воздух.

Квадрат ночного неба. Второй этаж дома на той стороне улицы. Она мельком увидела в окне напротив мужчину, обхватившего голову руками. Она подумала было, далеко ли до мостовой, и резко одернула себя. Нельзя думать о земле. Женщина снова завопила так, что скрутило мочевой пузырь. Шев услышала, как распахнулась дверь, как закричали охранники. Она перескочила через подоконник.

Ветер толкнул ее, дернул за одежду, в животе перекрутило, и она полетела вниз. Точно так же, как при выполнении прыжка с перекладины во время своих странствий с бродячими циркачами, она вытянула и напрягла руки – тогда она ловила ладони Варини. А затем следовал умиротворяющий хлопок при соприкосновении их ладоней и облачко мела, поднимавшееся, когда он вздергивал ее в безопасное положение. Каждый раз. Каждый раз, кроме последнего, когда он слишком уж перебрал и вместо него ее поймала земля.

Она отдалась падению. Когда падаешь, бороться бессмысленно. Пусть даже тебя подмывает дергаться и сопротивляться, знай, что воздух тебе не поможет. Никто не поможет. Никто никогда не поможет – это она знала на собственном опыте.

Лязгнув зубами, она с глухим стуком рухнула точно в телегу с овечьей шерстью, которую Йенс – за деньги, естественно, – оставил под окном. Он с должным изумлением смотрел, как она неуверенно выбралась из его груза, таща за собою ранец, промчалась через улицу, лавируя между людьми, и скрылась в темноте между пивной и конюшенным двором; крики за ее спиной быстро затихали.

Она прислонилась к стене, держась за бок, всхлипывая при каждом вздохе и сдерживаясь, чтобы не вскрикнуть. Она угодила ребрами прямо на грядку телеги, и, судя по сильной боли и головокружению, можно было не сомневаться, что хотя бы одно ребро она сломала, но возможно, и не одно.

– Больно, чтоб тебя! – выдохнула она сквозь стиснутые зубы. Оглянувшись на только что покинутый дом, она увидела, как Йенс прикрикнул на мула, и фургон покатился прочь, как охранник высунулся из открытого окна и отчаянно махал руками, указывая на ту сторону улицы, где она стояла. Она видела, как кто-то выскользнул из боковой двери и бесшумно прикрыл ее за собой. Кто-то высокий и худощавый, в черной шляпе, из-под которой выбилась прядь светлых волос, спадавшая на перекинутый через плечо ранец. Кто-то с обалденно красивой походкой, покачивая бедрами, преспокойно удалился в тень.

Охранник заорал что-то еще, и Шев повернулась, прошла неверными шагами по переулку, пролезла через небольшую дыру в заборе и удалилась с места происшествия.

Теперь она вспомнила, почему решила завязать с воровством и содержать Дом дыма.

У воров, как правило, жизнь долгой не бывает. Даже у самых лучших.

– Тебе больно, – сказал Секутор.

Шев действительно было больно, но она научилась скрывать свою боль, насколько возможно. Из жизненного опыта она знала, что люди похожи на акул и кровь в воде только пробуждает у них аппетит. И потому она покачала головой и попыталась улыбнуться, постаралась сделать вид, будто ей вовсе не больно, хотя потела и корчила невольную гримасу от боли и не могла заставить себя убрать прижатую к ребрам ладонь.

– Пустяки. Посетители есть?

– Только Беррик.

Он кивнул на старого любителя хаска, растянувшегося с закрытыми глазами и открытым ртом на засаленных подушках; рядом лежала докуренная трубка.

– Когда он курил?

– Пару часов назад.

Шев крепче прижала бок, опустилась на колени и легонько потрепала спящего по щеке.

– Беррик, лучше бы тебе проснуться, и поскорее.

Ресницы несколько раз дернулись, глаза открылись, и он увидел Шев, и его умиротворенное лицо вдруг перекосилось.

– Она умерла, – прошептал он. – Я помню, будто это случилось только вчера. Она умерла. – Он закрыл глаза, и по бледным щекам покатились слезы.

– Я знаю, – сказала Шев. – Знаю и сочувствую. Обычно я позволяю тебе оставаться здесь столько времени, сколько ты захочешь, и очень хотелось бы, чтоб так было и сегодня, но тебе, Беррик, придется встать. Могут быть неприятности. А потом ты сможешь вернуться. Секутор, проводи его домой, ладно?

– Лучше я останусь. Прикрою тебе спину.

Куда вероятнее дождаться от него какой-нибудь глупости, из-за которой их обоих здесь и пришьют.

– Я сама прикрываю себе спину, сколько себя помню. Иди покорми своих птиц.

– Я уже кормил их.

– Значит, покорми еще раз. Только пообещай, что тебя здесь не будет, когда придет Крэндол, и ты не явишься до его ухода.

Секутор выпятил подбородок, покрытый клочковатой бородкой. Вот поганство – мальчишка действительно влюбился в нее.

– Обещаю. – И взяв Беррика под руку, он повел его к двери. Двумя мелкими заботами меньше, но остается одна большая – сами переговоры. Шев посмотрела по сторонам, размышляя о том, как же ей подготовиться к визиту Крэндола. Куда бежать в случае чего, где спрятать оружие, придумать запасные планы на случай, если что-то пойдет не так, как надо.

На подставке в жестяной миске тлели угли, от которых прикуривали трубки. Шев подняла было кувшин с водой, чтобы залить их, но подумала, что их можно будет при случае бросить кому-нибудь в лицо, и передвинула подставку назад, поближе к стене, чтобы легче было достать до миски. Угли перекатывались и потрескивали.

– Добрый вечер, Шев. – Она повернулась, пытаясь не морщиться от боли, пронзившей ее бок. Мейсон был крупным, весьма крупным мужчиной, но, когда считал нужным, мог ходить легко, очень легко.

Крэндол ввалился в Дом дыма с еще более кислым видом, чем обычно. Она стояла и смотрела, как за ним втиснулись двое его головорезов. Большое Пальто в своем чересчур большом пальто и Руки-в-Карманах с руками, все так же засунутыми в карманы.

Дверь во двор со скрипом распахнулась, в нее вошел Рябой, закрыл дверь и, прислонившись к створке, прижал ее плечами. Так… запасного выхода нет. Шев сглотнула. Главное – говорить как можно меньше, не делать ничего такого, что могло бы их разозлить, и избавиться от них как можно скорее. Вот в чем залог успеха.

– Черное тебе идет, – сказал Мейсон, оглядев ее с головы до ног.

– Потому-то я и ношу его, – ответила она, стараясь казаться расслабленной, хотя ей удалось всего лишь сдержать рвотный позыв. – Ну, и для воровства, конечно.

– Добыла? – рявкнул Крэндол.

Шев выдернула ранец из-за стойки и, раскачав на ремне, бросила ему.

– Хорошая девочка, – сказал он, поймав короб. – Открывала?

– Не в моих привычках.

Крэндол откинул клапан. Сунул руку внутрь. Поднял голову и посмотрел на Шев отнюдь не с тем выражением удовлетворенного заказчика, которое она надеялась увидеть.

– Ты что, шутить вздумала?

– С какой бы стати?

– Его там нет.

– Чего нет?

– Того, что там должно было лежать! – Крэндол тряхнул ранцем в ее сторону, и хмурые взгляды его громил сразу сделались суровее.

Шев снова сглотнула; в животе у нее сделалось тяжело, будто она стояла на краю обрыва и чувствовала, как земля убегает из-под ног.

– Ты не говорил, что там что-то будет. И не говорил, что в комнате будет охранница с луженой глоткой. Ты сказал взять ранец, и я взяла его!

Крэндол бросил пустой ранец на пол.

– А я так думаю, что ты, сука этакая, толкнула то, что тут было, кому-то еще. Верно?

– Что? Я ведь не знаю даже, что это такое! И неужели я стала бы дожидаться здесь с улыбочкой, если бы кинула тебя?

– За дурака меня, значит, держишь? Думаешь, я не видел, что передо мною тут побывала Каркольф?

– Каркольф? Она пришла только потому, что у нее была работа… в Талинсе… – Шев осеклась, ощущая то же самое, что в тот раз, когда ее ладони пролетели мимо рук Варини и она увидела, как навстречу мчится земля. Люди Крэндола сдвинулись с места, Рябой вытащил нож с волнистым лезвием, а Мейсон поморщился даже сильнее, чем обычно, и медленно покачал головой.

О, боже! Каркольф все же поимела ее. Но не по-хорошему. Совсем не по-хорошему.

Шев вскинула руки, пытаясь успокоиться и выиграть чуть-чуть времени, чтобы хоть что-то осмыслить.

– Послушай! Ты сказал: «Принеси ранец». Я его принесла. – Ей самой были противны ноющие нотки в собственном голосе. Она отлично знала, что упрашивать бесполезно, но ничего не могла с собой поделать. Взглянула на двери, на громил, медленно приближавшихся к ней, понимая, что остался один-единственный вопрос: сильно ли ее покалечат. Крэндол с перекошенной рожей

шагнул к ней.

– Послушай!.. – взвизгнула она, но он ударил ее кулаком в бок. Ей приходилось терпеть удары куда сильнее, но так уже ей сегодня везло – удар пришелся именно в то место, которым она рухнула на телегу, вспышка боли пронзила кишки, и ее вырвало прямо ему на брюки.

– Вот так-то, сука ты шелудивая! Держите ее.

Тот, что с рябой рожей, схватил ее за левую руку, а тот, что в дурацком пальто, – за правую, уперся предплечьем ей в горло и прижал ее к стене; оба ухмылялись с таким видом, будто наконец-то дождались развлечения. Шев могла бы придумать себе времяпрепровождение куда лучше, тем более что Рябой махал ножом прямо перед ее лицом, во рту было горько после рвоты, бок резало болью, а в глазах, которые она не могла оторвать от блестящего лезвия, все расплывалось.

Крэндол оглянулся на Мейсона и щелкнул пальцами.

– Дай-ка мне свой топор.

Мейсон надул щеки.

– Похоже, что все подстроила эта сука Каркольф. Шеведайя тут, скорее всего, ни при чем. Ну, шлепнем мы ее – и кто же тогда поможет нам найти то, что нужно?

– Тут речь уже не о делах, – сказал Крэндол, ничтожество с крысиной мордой, – а о том, что нужно урок преподать.

– Какой же урок это преподаст? И кому?

– Хорош умничать. Дай сюда свой долбаный топор!

Мейсону все это не нравилось, но он зарабатывал на жизнь как раз тем, что делал то, что ему не нравилось. И непохоже было, чтобы происходящее как-то переходило через край. На его лице было написано «Мне искренне жаль», тем не менее он вытащил мясной резак, вложил полированную ручку в ладонь Крэндола

и отвернулся, всем своим видом выражая отвращение.

Шев извивалась, как разрубленный надвое червяк, но боль в ребрах не позволяла ей нормально дышать, да и двое паскудников крепко держали ее. Крэндол наклонился поближе, взял одной рукой ее за грудки и скрутил рубашку жгутом.

– Можно было бы сказать, что приятно было с тобой познакомиться, так ведь ни хрена.

– Босс, вы уж постарайтесь на этот раз меня не забрызгать, – сказал Рябой, зажмурив выпученный глаз (тот, что ближе к ней), чтобы туда и впрямь не ляпнули ее мозги.

Крэндол поднял топорик, и Шев глупо всхлипнула и зажмурилась.

Значит, это все, да? Вся ее жизнь? Если подумать, так сплошное дерьмо. Было кое-что неплохое, связанное с более-менее приличными людьми. Несколько мелких добрых дел. Несколько мелких побед, вырванных среди бесчисленных поражений. Она думала, что вот-вот наступит что-то хорошее. Что ей сделают что-то хорошее. Что она сделает кому-то что-то хорошее. Но выяснилось, что ничего такого не будет.

– Как же долго я не видела молитвенных колоколов!

Шев снова открыла глаза. Рыжеволосая женщина, которую она утром затащила на свою кровать, а потом, за всеми передрягами, напрочь выкинула из головы, одетая в тот же самый потрепанный кожаный жилет, стояла, величественная, как статуя, в курительной Шев и разглядывала колокола на полке.

– Этот очень хорош. – Она погладила бронзу грязными, растрескавшимися кончиками пальцев. – Вторая династия.

– Что это еще за шуточки? – возмутился Крэндол, застыв с топориком в руке.

Ее глаза лениво обратились к нему. Вернее, один глаз, потому что второй был закрыт упавшей со лба прядью рыжих волос. Тяжелое лицо с мощными скулами

было испещрено ссадинами, раздутый нос покрыт запекшейся кровью, рассеченные в нескольких местах губы распухли. Но во взгляде этого налитого кровью глаза, скользнувшем по Крэндолу и его четырем головорезам, на мгновение задержавшемся на Мейсоне и уплывшем в сторону, было нечто особое. Легкое презрение. Как будто она этим единственным взглядом измерила и взвесила их и сочла, что тревожиться из-за них совершенно не стоит.

– Я Джавра, – сказала женщина, которую Шев нашла валявшейся без сознания у себя под дверью. У нее был какой-то странный акцент. Вероятно, откуда-то с севера. – Хоскоппская львица. Я не очень-то склонна к шуткам. Мне довольно часто говорят, что с чувством юмора у меня плохо. Кто уложил меня спать?

Шев, прижатая к стенке тремя мужиками, смогла лишь поднять один палец.

Джавра кивнула.

– Это был благой поступок, и я не забуду его. А мой меч у тебя?

– Меч? – Шев удалось прохрипеть это короткое слово, потому что тип, сдавивший ей горло предплечьем, обернулся, чтобы оскалиться на вновь прибывшую особу, и чуть ослабил нажим.

– Если он попадет не в те руки, может случиться беда, – прошипела Джавра сквозь зубы. – Он скован из металла упавшей звезды.

– Она спятила, – сказал Крэндол.

– Коблуха поганая, – проворчал Руки-в-Карманах.

– Хоскоппская львица… – выговорил Большое Пальто и захихикал.

– Нужно будет обязательно украсть его назад, – проговорила Джавра, словно размышляя вслух. – Кто-нибудь из вас знает приличного вора?

Последовало молчание, а потом Шев снова подняла палец.

– Ах! – Джавра вскинула испачканную кровью бровь. – Не зря говорится, что Богиня делает так, чтобы нужные люди попадались друг другу на пути. – Она нахмурилась, как будто только что начала понимать ситуацию. – Эти люди обижают тебя?

– Немного, – прошептала Шев с лицом, перекошенным от тупой боли, растекшейся по всей правой стороне от ребер до кончиков пальцев.

– Всегда лучше уточнить. Ведь никто не знает всего, что люди придумывают, чтобы получить удовольствие. – Джавра сделала несколько медленных вращений голыми плечами. Они тоже напомнили Шев о Великолепном Зараконе – твердые, как дерево, и расщепленные на сотню мелких трепещущих прядей мышц. – Для начала я попрошу вас поставить эту темнокожую девушку на пол и удалиться.

Крэндол фыркнул.

– А если мы не послушаемся?

Глаз слегка прищурился.

– Тогда внуки внуков тех, кому доведется видеть, как я разделаюсь с вами, будут рассказывать об этом через много лет после того, как мы уйдем к Богине.

Руки-в-Карманах засунул руки еще глубже и буркнул:

– У тебя даже оружия нет.

Но Джавра только улыбнулась.

– Мой друг, я сама и есть оружие.

Крэндол дернул головой в ее сторону.

– Прибейте эту суку. Надоела.

Рябой и Большое Пальто отпустили Шев, что было просто чудесно, но направились к Джавре, что, похоже, было не так уж хорошо. Большое Пальто вытащил из-под пальто дубинку, что даже немного разочаровывало, поскольку места там хватило бы и для двуручного меча. Рябой крутил в пальцах кинжал с волнистым лезвием; он даже высунул язык и казался от этого еще уродливее, чем его кинжал.

Джавра стояла на месте, упершись руками в бедра.

– Ну? Вы ждете письменного приглашения?

Рябой пырнул ее ножом, но не достал. Она увернулась с такой быстротой, что даже Шев едва-едва смогла уловить движение, и тут же ее белая ладонь мелькнула в воздухе и врезалась в бок его шеи с таким звуком, какой издает топор мясника, врубаясь в тушу. Рябой рухнул, где стоял, как будто в нем вообще не было костей, выронив нож из руки, и забился на полу, как вытащенная из воды рыбина, плюясь, булькая и вытаращив глаза еще сильнее, чем обычно.

Большое Пальто ударил ее дубинкой в бок. И звук, и эффект были такими, будто он стукнул по столбу. Джавра даже не вздрогнула. На ее руке мгновенно вздулись мышцы, она воткнула кулак в живот нападавшего, и тот согнулся, хрипло ловя ртом воздух. Джавра правым кулачищем схватила его за волосы и ударила головой о стойку, которую Шев сделала из мясницкой колоды, с такой силой, что кровь брызнула на дешевую драпировку.

– Ах ты дрянь… – выдохнул Крэндол, и рука, которой он держал Шев, внезапно ослабла.

Джавра оглянулась на того, который стоял, держа руки в карманах, и только-только разинул рот.

– Вовсе нечего тут стесняться, – сказала она. – Был бы у меня хер, я б его тоже все время теребила бы.

Он выдернул руки из карманов и метнул нож. Шев увидела, как сверкнул металл, услышала, как свистнуло в воздухе лезвие.

Джавра поймала его. Она не стала делать из этого зрелище, как поступали жонглеры из бродячего цирка. Она просто взяла его из воздуха так же легко, как другой мог бы поймать монету, которую сам себе подбросил.

– Спасибо, – сказала она и, метнув нож обратно, всадила его в бедро громилы. Тот визгливо заорал, брызгая слюной, покачнулся, толкнул дверь и вывалился на улицу.

Мейсон как раз успел вытащить свой нож – громадную железяку, которую вполне можно было бы, не страшась ошибки, назвать мечом. Джавра снова опустила руки на бедра.

– Ты и в самом деле уверен, что хочешь поступить именно так?

– Не сказал бы, что очень хочу, – ответил Мейсон, плавно принимая боевую стойку, – но ведь по-другому никак нельзя.

– Я знаю. – Джавра еще раз встряхнула плечами и подняла большие безоружные руки. – Но спросить об этом всегда следует.

Он кинулся на нее – нож словно растекся в воздухе, а она увернулась. Он ударил, а она вновь увернулась и проводила его взглядом, когда он с громким топотом пролетел к двери и сорвал с крюков портьеры. Он сделал выпад и рубанул, но вместо противницы попал по подушке, подняв облако перьев, потом мощным ударом ноги выбил кучу щепок из стойки, с треском разодрал пополам одну из драпировок.

Взревев, как бык, Мейсон в очередной раз бросился на нее. Джавра перехватила запястье противника; на ее руке пульсировала толстая вена, но она, напрягая силы, удерживала трепещущее лезвие, повисшее почти вплотную – только палец просунуть – к ее лбу.

– Вот тебе и конец! – брызнул слюной сквозь стиснутые зубы Мейсон и, ухватив Джавру за мощную шею, заставил ее отступить на шаг…

Она схватила с полки большой молитвенный колокол и огрела Мейсона по голове; колокол при этом так громко звякнул, что у Шев даже зубы лязгнули.

Джавра ударила его еще раз и вырвалась из захвата. Мейсон со стоном упал на колени; по его лицу текла кровь. Джавра широко размахнулась и огрела противника по спине: ручка колокола сломалась, он укатился куда-то в угол, и звенящее эхо постепенно затихало.

Джавра взглянула на Крэндола; ее лицо было густо забрызгано кровью Мейсона.

– Слышал? – Она вздернула красные брови. – Пришло время тебе помолиться.

– Проклятие, – хрипло каркнул Крэндол. Он разжал пальцы – топорик с грохотом упал на пол – и высоко поднял раскрытые ладони.

– Послушай-ка, – заикаясь произнес он. – Я сын Хоральда. Хоральда Пальца!

Джавра, пожав плечами, переступила через тело Мейсона.

– Я недавно в городе. Для меня здесь любое имя не лучше другого.

– Мой отец здесь всем заправляет! Всем приказывает!

Джавра усмехнулась и переступила через труп Большого Пальто.

– Мне он не приказывает.

– Он заплатит тебе! Даст столько денег, что ты и сосчитать не сможешь!

Джавра носком башмака пнула в сторону упавший нож Рябого.

– Мне столько не нужно. Я неприхотлива.

Крэндол пятился от нее, и его голос делался все тоньше и тоньше.

– Если со мной случится что-нибудь плохое, он до тебя доберется!

Джавра снова пожала плечами и сделала еще один шаг.

– Будем надеяться. Это станет его последней ошибкой.

– Только… не надо! – Крэндол совсем съежился. – Не надо! Умоляю вас!

– Вообще-то ты должен умолять не меня, – сказала Джавра, кивком указав ему за спину.

Шев свистнула, и Крэндол с удивленным видом повернулся. Когда она с резким хрустом вогнала лезвие топора Мейсона ему в лоб, вид у него сделался еще удивленнее.

– Бвур-г-х-р, – сказал он и, вывалив язык, повалился назад. Его безжизненная рука зацепила подставку, и жестяная миска взлетела в воздух, выкинув горячие угли на стену.

– Дело дрянь, – сказала Шев, увидев, как жалкая драпировка сразу занялась огнем. Она схватила кувшин с водой, но его жалкое содержимое ни в малейшей степени не помогло исправить положение. Огонь уже перекинулся на соседний занавес; на пол сыпались горящие клочья.

– Лучше всего освободить помещение, – сказала Джавра и, взяв Шев под руку, с неодолимой силой решительно вывела ее за дверь, оставив в горящей комнате четверых мертвецов.

Руки-в-Карманах стоял на улице, привалившись к стенке, и держался обеими руками за нож, торчавший в бедре.

– Постой… – начал было он, когда Джавра взяла его за шиворот, но та сделала резкое движение запястьем, и он, шатаясь, как пьяный, полетел через улицу и врезался головой в стену.

Навстречу, не сводя глаз с дома, где языки огня уже облизывали наличники входной двери, мчался Секутор. Джавра схватила его за руку и развернула. Ничего не поделать. Неудачной оказалась обстановка для помещения с открытым огнем.

Словно подтверждая ее слова, окно лопнуло, и огонь выплеснулся на улицу. Секутор аж присел, схватившись за голову, и проскулил:

– Что там произошло?

– Неладно получилось, – шепотом ответила Шев, держась за бок. – Совсем неладно.

– Ты считаешь, что это неладно? – Джавра отбросила грязные рыжие волосы с избитого лица и усмехалась, глядя на крушение надежд Шев, словно это были итоги успешного рабочего дня. – А я скажу, что все могло закончиться намного хуже!

– Это как? – огрызнулась Шев. – Куда, в жопу, хуже-то?

– Остаться там мертвыми могли бы и мы с тобой. – Она коротко, резко хохотнула. – Выйти живыми – это же победа.

– Вот что бывает, – сказал Секутор; по мере того как дом разгорался, его глаза все ярче и ярче сияли отраженным огнем, – вот что бывает, когда делаешь добро.

– Ах, мальчик, хватит рыдать. Доброта в конечном итоге порождает доброту. Богиня сохраняет все заслуженные нами награды! Кстати, меня зовут Джавра. – И она хлопнула его по плечу, так что он чуть не упал. – Нет ли у тебя, случайно, старшего брата? После потасовки у меня всегда бывает особое настроение.

– Что?

– Или братьев?

Шев схватилась за голову, которая болела так, будто должна была вот-вот лопнуть.

– Я убила Крэндола, – прошептала она. – Будь оно все проклято, я убила его. Теперь за меня возьмутся. От меня теперь никогда не отстанут!

– Пф-ф-ф-ф! – Джавра обняла Шев за шею большой, мускулистой, покрытой ушибами рукой. Это объятие одновременно и успокаивало, и мешало дышать. – Ты бы видела, какие гады гоняются за мною. Ну, и насчет того, чтобы выкрасть обратно мой меч…

Поганые задания

К востоку от Кринны, осень 574 года

Зобатый по всегдашней привычке обгрызал затвердевшую кожу вокруг ногтей. Как всегда, это было больно. Он думал, что надо все же отвязаться от этой привычки. Он всегда так думал.

– Почему, – не без горечи шептал он себе под нос, – почему мне всегда достаются самые поганые задания?

Деревня прижималась к земле на мысу у слияния двух рек – кучка сырых соломенных крыш, взлохмаченных, как волосы дурачка, окруженных забором в рост человека из грубо отесанных бревен. Круглые плетеные хижины и три длинных дома, обваленных грязью; на задранных концах конька одного из них красовались неумело вырезанные головы то ли драконов, то ли волков, то ли еще кого-то, предназначенных для того, чтобы пугать людей, хотя у Зобатого они вызвали только ностальгическую тоску по достойному плотницкому ремеслу. Из труб грязными клубами выползал дым. Полуголые деревья все еще шелестели побуревшей листвой. Мутный солнечный свет поблескивал вдали, на гнилых болотах, будто до самого горизонта рассыпали тысячи зеркальных осколков. Но романтикой тут и не пахло.

Чудесница, давно уже чесавшая длинный шрам, пересекавший ее покрытую короткой щетиной голову, отвлеклась от этого занятия, чтобы внести свой вклад в размышления предводителя.

– По мне, – сказала она, – так это выглядит полной задницей.

– Мы ведь далеко к востоку от Кринны, скажешь нет? – Зобатый помусолил клочок кожи между зубами и языком, и сплюнул на землю и поморщился, так как розовая отметина, оставшаяся возле ногтя, не имела никакого права быть такой болезненной. – Здесь на сотни миль в любую сторону сплошная задница. Раубин, ты уверен, что мы пришли туда, куда надо?

– Совершенно уверен. Она очень специфично все описала.

Зобатый нахмурился. Он-то совершенно не был уверен, что понимает, откуда у него такая непреодолимая неприязнь к Раубину – то ли из-за того, что он добывал для них работу, и работа обычно оказывалась препоганого свойства, то ли причиной сугубой неприязни к Раубину служило то, что он был вонючим хорьком, и даже рожа у него была как у хорька. Возможно, и то и другое вместе.

– Просто-напросто «описала точно», бестолочь.

– Но ты ведь понял, что я имел в виду, так ведь? Она сказала: деревня у слияния рек, южнее болота, три длинных дома, у самого большого конек украшен резными лисьими головами.

– А-а-а! – Зобатый щелкнул пальцами. – Так значит, это должно изображать лис.

– Эта шайка и есть клан лисы.

– Вот эти?

– Ну, так она сказала.

– И мы должны принести ей эту штуку. Какую именно штуку?

– Ну, эту штуку, – ответил Раубин.

– Это мы и сами знаем.

– Вроде как… длинная такая, наверно. – Она точно не сказала.

– Значит, очень специфично, да? – осведомилась Чудесница, оскалив в ухмылке все свои зубы.

– Она сказала, что эта штука будет вроде как светиться.

– Светиться? – переспросил Зобатый. – То есть как это? Вроде какой-то, мать ее, волшебной свечи?

На это Раубин лишь пожал плечами, отчего никому ничего не стало нисколько яснее.

– Не знаю. Она сказала, что ты сам узнаешь, когда увидишь.

– Очень, очень мило. – Зобатый и не подозревал, что его настроение может испортиться еще сильнее. Теперь знал, что может.

– Просто красота! То есть ты хочешь сказать, что я должен жизнью своей рисковать и жизнями всех моих людей ради невесть чего-то, что я, значицца, узнаю, когда увижу? – Упираясь руками, он отполз на животе по камням туда, где его нельзя было увидеть из деревни, поднялся на ноги и принялся стряхивать грязь с плаща, мрачно ворча себе под нос, поскольку плащ был новый и он прилагал немало усилий для того, чтобы содержать его в чистоте. А ведь можно было сообразить, что это пустая трата времени, особенно если учесть, что на его горбу всегда оказывается особливо поганая работа. Он зашагал вниз по склону, между деревьев, к остальным, качая на ходу головой. Твердым, уверенным шагом. Шагом вождя. Зобатый считал, что предводителю очень важно выглядеть так, будто он знает, куда идет. Особенно в тех случаях, когда он этого не знает.

Раубин спешил за ним и пискляво бубнил в спину:

– Она ничего определенного не говорила. Ну, в смысле, об этой вещи. Она, знаешь ли, никогда не говорит. Только лупит глазищи свои… – Он передернул плечами. – И говорит: принесите мне вещь оттуда-то. И цвет кожи ейной, и голос… а когда она смотрит на тебя, аж в пот кидает от страха-то… – Его снова передернуло, да так, что даже гнилые зубы заскрежетали. – Сразу признаюсь: вопросов ей я не задаю. Я, когда она меня к себе требует, только и надеюсь, что успею выбраться оттуда, прежде чем обмочусь прямо там, где стою. Бегу от нее

со всех ног и добываю то, что она тре…

– Ну, значит, для тебя все сложилось так, что лучше и не надо, – перебил его Зобатый. – До тех пор, конечно, пока не надо будет в самом деле добывать эту твою штуку.

– Но добывать эту штуку нам все же приходится… – размышляла вслух Чудесница, подняв взгляд к кронам деревьев, отчего на ее грубом костистом лице играли блики света и тени, – и недостаток подробностей может нам изрядно выйти боком. Деревня немаленькая, и в ней найдется уйма всевозможных вещей. Но какая же из них нужна-то? Что брать и что не брать, вот в чем вопрос. – Судя по всему, она пребывала в задумчивом настроении. – Можно даже сказать, что для нее и голос, и цвет кожи, и аура страха в нашем случае… залог провала.

– О нет, – возразил Зобатый. – О провале для нее можно было бы говорить лишь в том случае, если бы именно она осталась здесь с перерезанной глоткой из-за того, что поленилась рассказать о всяких мелких подробностях задания, для которого нас загнали сюда, на край света. – И, окинув Раубина суровым взглядом, он вышел на поляну.

Гордяй Легкоступ точил ножи. Он сидел, скрестив ноги и разложив на клочковатой траве восемь ножей – от малюсенького, длиной в большой палец Зобатого, стилета до здоровенного тесака, который смело можно было назвать коротким мечом. Девятый он держал в руках; точильный камень шаркал по стали – вжик-вжак, – задавая ритм негромкому напеву. У него, у Гордяя Легкоступа, был удивительно хороший высокий голос. Живи он в более счастливые времена, наверняка стал бы бардом, ну а в теперешние куда доходнее было грабить и резать людей. Зобатый считал это печальным явлением, но такие уж времена…

Брек-и-Дайн сидел рядом с Гордяем и, вывернув странным образом губы, общипывал зубами уже обглоданную кроличью косточку, как овца щиплет траву. Огромная и очень опасная овца. В его громадном синем от татуировок кулачище косточка казалась совсем крохотной, как зубочистка. Весельчак Йон глядел на него хмуро, как на кучу дерьма, на что Брек, возможно, и обиделся бы, если бы не знал, что Йон смотрит так на всех и на все. Совершенно определенно, Весельчак выглядел сейчас самым мрачным человеком на всем Севере. Но ведь он и получил свое прозвище именно из-за этого.

По другую сторону поляны перед громадным длинным мечом, прислоненным к дереву, стоял на коленях Жужело из Блая. Он накинул на голову капюшон, так что наружу торчал только острый кончик носа, и упирался подбородком в стиснутые кулаки. Судя по всему, молился. Зобатый всегда довольно настороженно относился к людям, которые молились богам, а уж о тех, кто молился мечам, и говорить нечего. Но такие уж времена, думал он. В кровавые дни мечи дороже богов. И, конечно, их куда больше. Кроме того, Жужело происходил из долины, до которой нужно невесть сколько тащиться на север, а потом еще и на запад, за горами, около Белого моря, где летом снег идет и где никто, имеющий хоть малость соображения, жить не захочет. Кто знает, что у него на уме?

– Я уже говорил, что это не деревня, а просцанное пятно? Даже и цвет такой же. – Никогда неторопливо натягивал тетиву на лук. И улыбался он с таким видом, будто подшутил над всеми остальными, да так, что никто, кроме него самого, этого не понял. Зобатый не отказался бы узнать, в чем соль шутки: тогда, может быть, и он посмеялся бы. Насколько он мог судить, шутка касалась их всех.

– Тут ты, пожалуй, прав, – отозвалась Чудесница, вальяжно выходя на поляну. – Моча. Чистейшей воды.

– Ну, мы приперлись сюда не для того, чтобы здесь поселиться, – сказал Зобатый, – а чтобы добыть кое-что.

Весельчак Йон тем временем совершил нечто такое, что многие сочли бы немыслимым: он нахмурился еще сильнее, черные глаза, мрачные как две могилы, толстые пальцы раздирают густую свалявшуюся бороду.

– Что именно?

Зобатый снова взглянул на Раубина.

– Хочешь перекопать все это вдоль и поперек? – Посредник беспомощно развел руками. – Я слышал, что мы узнаем, когда увидим.

– Узнаем, когда увидим? Какого хоть…

– Йон, жаловаться можешь деревьям. Приказ есть приказ.

– К тому же мы ведь уже здесь, верно? – вставил Раубин.

Зоб опять посмотрел на него и громко цыкнул зубом.

– Ну, это ты угадал. Прямо в яблочко. Как и все подобные догадки – когда ни скажешь, не ошибешься. Да, мы здесь.

– Мы здесь, – пропел Брек-и-Дайн, умудрившись по горскому обычаю даже в этих двух словах скакнуть от чуть ли не писка до хрипа, обсосал с косточки последние капли жира и щелчком отправил ее в кусты. – К востоку от Кринны, где и луна не светит, где на сто миль не найти чистого места, чтоб посрать, и где под ногами то и дело путаются бешеные дикари, для которых высшая красота – это протыкать собственные рожи костями. – Здесь он, пожалуй, немного погорячился, потому что и сам был так покрыт татуировками, что кожа у него была скорее синей, нежели белой. Впрочем, Зобатый полагал, что не бывает большего презрения, нежели то, с каким один дикарь относится к другому, тем более если они из разных племен.

– Не стану спорить: здесь, к востоку от Кринны, можно встретиться с очень забавными обычаями. – Раубин пожал плечами. – Но нужная штука находится здесь, и мы тоже здесь. Так почему бы нам попросту не забрать эту поганую штуку и не убраться, на хрен, домой?

– Так, почему бы тебе, Раубин, попросту не забрать эту поганую штуку? – рыкнул Весельчак Йон.

– Потому что моя, мать твою, работа – это, мать твою, сказать тебе, чтобы ты, Йон, мать твою, Непролаз, забрал ту или иную, мать ее, штуку.

Наступила продолжительная и очень противная пауза. Как сказали бы горцы, противнее даже, чем отродье человека и овцы. А потом Йон заговорил своим тихим, спокойным голосом, от которого у Зобатого даже после стольких лет знакомства мурашки по рукам побежали.

– Надеюсь, что я ошибаюсь. Клянусь мертвыми, я всей душой надеюсь, что ошибаюсь. Но у меня такое ощущение… – он подался вперед, и всем стало донельзя ясно, сколько у него при себе топоров, – что со мною говорили невежливо.

– Нет, нет, ни в коей мере, я вовсе не…

– Вежливость, Раубин. Эта дрянь не стоит ровным счетом ничего, зато может принести человеку немалую пользу. Скажем, вежливому человеку не придется нести свои мозги в руках, когда нужно будет возвращаться домой. Я понятно выразился?

– Конечно, Йон, понятнее некуда. Я позволил себе лишнее. Я кругом не прав, куда ни кинь, и оченно извиняюся. Никоим образом не хотел тебя обидеть. Очень уж давит. Со всех сторон давит и ведь не только на меня, но и на всех нас. Ваши головы под топором, но ведь и моя тоже. Пусть не здесь, но вот вернемся домой, и вы сможете убедиться, что если будет что не по-ейному… – Раубина снова передернуло, еще сильнее, чем прежде.

– И все же, мне кажется, немного уважения было бы не…

– Хватит. – Зобатый махнул рукой, пресекая разговор. – Все мы сидим на одной и той же треклятой дырявой шлюпке и вместе тонем, и такие споры нам не помогут. Нам нужна любая пара рук, способная вычерпывать воду, хоть мужских, хоть женских.

– Я всегда готова помочь, – сказала Чудесница, являвшая собой воплощенную невинность.

– Ну уж… – Зобатый сел на корточки, вынул нож и принялся чертить на земле карту деревни. Как это много-много лет назад делал Тридуба.

– Пусть мы не знаем точно, что это за вещь, но нам, по крайней мере, известно, где она находится. – Нож царапал землю; воины собрались вокруг и смотрели – кто стоя, кто сидя, кто на корточках. – Большой дом, что посередине, с резными головами вроде бы лис на коньках. Ежели меня спросить, то я скажу, что это драконы, но это, знаете ли, другая история. Вокруг идет забор, в нем двое ворот, на север и на юг. Вот дома и хижины. Это, полагаю, свинарник. А это, вероятно,

кузница.

– И сколько же там может быть народу? – спросил Йон. Чудесница почесала шрам на черепе, скорчила рожу и уставилась в небо.

– Бойцов – человек пятьдесят-шестьдесят… Несколько стариков, несколько дюжин женщин и детей. Кто-то из них тоже, вероятно, способен держать оружие.

– Женщины драться лезут, – усмехнулся Никогда. – Стыдоба!

– Загнать этих тварей обратно к очагу, да? – осклабилась Чудесница.

– О, очаг… – Брек тоже уставился в пасмурное небо, как будто оно было устлано не тучами, а счастливыми воспоминаниями.

– Шестьдесят воинов? И нас всего семеро, не считая обузы. – Весельчак Йон согнул язык лодочкой и по аккуратной дуге пустил струйку слюны через башмаки Раубина. – Дело дрянь. Нам нужно больше народу.

– Тогда бы нам жратвы не хватило. – Брек-и-Дайн сокрушенно погладил живот. – Ее и так не очень…

Зобатый перебил его.

– Сдается мне, что придется выполнять планы с теми людьми, которые у нас есть. Ясно как день, что честный бой с шестью десятками нам не сдюжить. – Ну, и ведь люди шли в его дюжину не для честного боя. – Надо нам хотя бы часть устранить.

Никогда поморщился.

– Интересно, есть ли смысл спрашивать, почему ты смотришь на меня?

– Потому, красавчик, что для уродливых мужиков нет никого противнее и хуже, чем красивые мальчики.

– Факты – упрямая вещь, с ними не поспоришь. – Никогда вздохнул и отбросил назад свои длинные волосы. – Красивое лицо – мое проклятие.

– Тебе проклятие, а мне – благословение. – Зобатый ткнул в северный край нарисованной на земле карты, где был изображен деревянный мост, перекинутый через речку. – Приложишь свою ненаглядную красоту к мосту. Там наверняка стоит стража. Устрой им развлечение.

– Ты имеешь в виду, застрелить кого-то из них?

– Лучше выстрели куда-нибудь рядом с ними, но чтобы заметили. Давайте не убивать никого без необходимости, ладно? При иных обстоятельствах они вполне могли бы оказаться неплохими людьми. – Никогда скептически вскинул бровь.

– Ты так думаешь?

Вообще-то Зобатый так не думал, но у него не было никакого желания и дальше отягощать свою совесть. Она и без того не очень-то хорошо держалась на плаву.

– Устрой им небольшую пляску, и будет с них.

Чудесница хлопнула себя ладонью по груди.

– Очень жаль, что я этого не увижу. Когда начинается музыка, не найдешь плясуна лучше, чем наш Никогда.

– Не переживай, моя милая, я еще потанцую для тебя.

– Все обещаешь, обещаешь…

– Да, да. – Зобатый махнул рукой, пресекая и эту беседу. – Вот когда покончим с этим дурацким дельцем, ты сможешь посмешить нас, если, конечно, живы будем.

– Может, еще и тебя рассмешим, а, Жужело? – сказала Чудесница.

Уроженец долины сидел, скрестив ноги, и держал меч на коленях.

– Может быть, – отозвался он, пожав плечами.

– Мы все туточки – маленький сбитый отряд, и нам нравится дружелюбное поведение.

Жужело коротко взглянул на мрачного Весельчака Йона.

– Это заметно.

– Мы почти что как братья, – сказал Брек, усмехаясь всем своим татуированным лицом. – Мы делим между собой опасность, делим еду, делим вознаграждение, а иной раз случается, что даже смех делим.

– Никогда не ладил со своими братьями, – откликнулся Жужело.

Чудесница громко фыркнула.

– Ну, малыш, кто скажет, что ты не осенен благословением? Ты получил второй шанс пожить в любящей семье. Если протянешь подольше, то, глядишь, и разберешься, что к чему.

Жужело медленно кивнул, и тень от капюшона проползла по его лицу сначала вверх, потом вниз.

– Ни дня без нового урока.

– Хороший совет, – похвалил Зобатый. – А теперь все прочистили уши и слушаем. Как только Никогда выманит несколько человек на себя, мы прокрадемся через южные ворота. – И он поставил на земле крест, чтобы показать, где именно. – Идем двумя группами, по одной с каждой стороны главного дома, где находится эта вещь. По крайней мере, где эта вещь должна находиться. Я, Йон и Жужело заходим слева. – Йон снова сплюнул, Жужело чуть заметно кивнул. – Чудесница, ты с Брейком и Гордяем заходишь справа.

– Насчет права ты прав, вождь, – сказала Чудесница.

– Право – это наше право, – пропел Брек.

– Так, так, так… – буркнул Гордяй; Зобатый решил, что это означало согласие.

Он ткнул каждого по очереди большим пальцем с обгрызенным до мяса ногтем.

– И чтобы вели себя наилучшим образом, слышите? Тихо, как весенний ветерок. Надеюсь, на сей раз ты, Брек, не будешь опрокидывать кастрюли, так ведь?

– Вождь, обещаю смотреть, куда ставлю ноги.

– И то хлеб.

– Запасной план у нас есть? – поинтересовалась Чудесница. – На тот случай, если случится невозможное и дела пойдут не по плану.

– Как всегда. Хватаем это, не знаю что, и улепетываем как встрепанные. Теперь ты, – и Зобатый посмотрел на Раубина.

Его глаза раскрылись широко, как миски на поварне.

– Что я?

– Останешься здесь и будешь присматривать за барахлом. – Раубин протяжно, с нескрываемым облегчением, выдохнул, и Зобатый почувствовал, как его губы расползаются в улыбке. Он не винил этого человека в том, что тот был невероятным трусом, – большинство людей таковы. Зобатый и сам был таким же. Винил он Раубина лишь в том, что тот позволял себе показывать свой страх. – Только не слишком расслабляйся. Если у нас дело обернется худо, то не успеет наша кровь засохнуть, как эти лисотрахи отыщут тебя и, скорее всего, лишат тебя всего того, что ты между ног трешь.

Дыхание Раубина ощутимо задрожало и пресеклось.

– Башку тебе отпилят, – прошептал Никогда, вытаращив глаза для пущей убедительности.

– Вытряхнут требуху и зажарят, – прорычал Весельчак Йон.

– Кожу с рожи сдерут и будут вместо маски носить, – прогремел Брек.

– Будут хером твоим суп хлебать, – предположила Чудесница.

Все на мгновение умолкли, пытаясь представить себе такое.

– Значит, договорились, – сказал Зобатый. – Тихонечко, осторожненько, так, чтобы никто не заметил, как мы заберемся в этот дом и найдем то, что нужно. Но самое главное… – он самым строгим взглядом обвел отряд – полукруг перепачканных грязью, испещренных шрамами, бородатых и безбородых ясноглазых лиц. Его команду. Его семью. – Чтобы никто не смел погибнуть, ясно? К оружию.

Сосредоточенно и уже без балагурства – как же, до дела дошло! – отряд Зобатого подготовился к выходу; каждый сработался со своим оружием, как ткач – с ткацким станком, и оно всегда было ухоженным, даже если одежда превратилась в лохмотья, блестело, невзирая на то что лица толстым слоем покрывала грязь. С негромким шипением затягивались пояса, ремни и шнурки, поскрипывал, погромыхивал и позвякивал металл, и над всем этим непрерывно плыла песня, которую негромко вел высокий голос Гордяя.

Руки Зобатого двигались сами собой, повинуясь давней привычке, а мысли возвращались к былым временам, когда ему приходилось делать то же самое в других местах, в окружении других лиц, большинство из которых давно уже вернулось в грязь. Некоторых из них он похоронил своими руками. Он надеялся, что никто из присутствующих въяве сегодня не погибнет, чтобы превратиться в грязь и смутные воспоминания. Он проверил щит – прочны и упруги ли ременные петли, в которые просовывается рука. Проверил нож, запасной нож и запасной-запасной нож – все плотно сидели в ножнах. Кто-то когда-то сказал ему, что лишних ножей не бывает, и это был очень дельный совет, при условии, конечно, что ты правильно хранишь их и при случайном падении ни один из них не воткнется тебе в причиндалы.

Каждому было чем заняться. Кроме Жужела. Он лишь склонил голову и деликатно взял за ножны из крашеной кожи, чуть ниже крестовины, свой меч,

прислоненный до того к стволу дерева. Ростом Жужело заметно превышал дюжинного человека, а клинок, скрытый в этих ножнах, был заметно длинней его собственной ноги. Затем откинул капюшон, разодрал пальцами с грязными ногтями свалявшиеся волосы и застыл, склонив голову набок и разглядывая соратников.

– Ты ходишь с одним-единственным клинком? – спросил Зобатый, сдвигая собственный меч, висевший у бедра. Он надеялся вовлечь верзилу в разговор и установить хоть мало-мальски доверительные отношения. В таком маленьком и тесно сбитом отряде капелька доверия может спасти тебе жизнь. Может спасти вообще всех.

Глаза Жужела повернулись в его направлении.

– Это Меч мечей, и люди успели дать ему сотню имен. Бритва рассвета. Могильщик, Кровавый жнец. Высочайший и Нижайший. На языке долины его именуют Скак-анг-гаиок, то бишь Разлом мира, битва, которая свершилась в начале времен и возобновится при их завершении. – Зобатый испугался было, что Жужело примется перечислять всю треклятую сотню, но, к счастью, он удовлетворился сказанным и лишь добавил, уставившись на рукоять, обмотанную тусклой серой проволокой: – Это и моя награда, и моя кара. Кроме этого клинка, мне ничего не нужно.

– А не длинноват он малость? – полюбопытствовала Чудесница с другой стороны. – Есть с него неудобно.

Жужело выразительно оскалился.

– А это на что?

– Ты когда-нибудь точишь его? – спросил Зобатый.

– Это он точит меня.

– Что верно, то верно. – Оставалось надеяться, что Жужело и впрямь владеет своим хваленым громадным клинком так хорошо, как о нем говорили слухи, потому что как собеседник он точно компанию не украшал.

– Кроме того, чтобы наточить меч, его нужно вынуть из ножен, – напомнила Чудесница, подмигнув Зобатому тем глазом, которого Жужело не видел.

– Именно так. – Взгляд Жужела остановился на ее лице. – А если Меч мечей вынуть из ножен, то обратно его уже не вложишь, пока…

– Пока он не обагрится кровью? – закончила вместо него Чудесница. Угадать его следующие слова можно было и не обладая даром гадания по рунам – с тех пор как они покинули Карлеон, Жужело повторил их, по меньшей мере, дюжину раз. Более чем достаточно для того, чтобы они всем слегка поднадоели.

– Кровью, – пророческим голосом отозвался Жужело.

Чудесница быстро взглянула на Зобатого.

– Скажи-ка, Жужело из Блая, тебе никогда не казалось, что ты относишься к себе чересчур серьезно?

Он слегка запрокинул голову и окинул взглядом небо.

– Если услышу что-нибудь смешное, то можно будет и посмеяться.

Зоб почувствовал на плече руку Йона.

– Вождь, можно тебя на пару слов?

– Конечно, – ответил он и не без усилия усмехнулся.

Йон отвел Зобатого на несколько шагов от других и негромко завел ту же речь, что и всегда перед боем.

– Если я погибну…

– Никто сегодня не погибнет, – перебил его Зобатый теми же самыми словами, которыми отвечал всегда.

– То же самое ты говорил в прошлый раз, а потом мы похоронили Чутлана.

От этого напоминания настроение Зобатого опустилось еще на ступеньку по лестнице, ведущей в трясину.

– Никто тут не виноват – работа у нас опасная, и всем это известно. Немало шансов за то, что сегодня я уцелею, но я всего лишь прошу, чтобы, если все же…

– Я навещу твоих детей, передам им твою долю и расскажу, кем ты был.

– Все так. И что еще?

– И ничего не буду приукрашивать.

– Вот теперь все верно. – Весельчак Йон, конечно, не стал улыбаться. Зобатый знал его уже много лет, и за все это время он улыбался вряд ли больше дюжины раз, причем в моменты, когда этого меньше всего можно было ожидать. Но кивнул со вполне удовлетворенным видом. – Право слово, никому другому я такого не доверил бы.

Зобатый кивнул в ответ.

– Вот и хорошо. Отлично, – и чуть слышно проворчал себе под нос, когда Йон отошел: – Всегда самые дурацкие задания…

Все пошло примерно так, как планировал Зобатый. Нельзя сказать, чтобы так случилось впервые, и тем не менее это был приятный сюрприз. Шесть человек неподвижно и безмолвно лежали на пригорке и следили за чуть заметными шевелениями листьев и веток, которые сопровождали передвижение Никогда в сторону вонючей задницы деревни. Вблизи она выглядела ничуть не лучше, чем издали. Зобатый по опыту знал, что более близкое знакомство редко приукрашивает явления. Он еще немного погрыз ногти и наконец увидел, что Никогда опустился на колени в кустах на другом берегу речки почти напротив северных ворот, наложил стрелу и натянул тетиву. С такого расстояния было трудно разглядеть наверняка, но похоже было, что на губах у него и сейчас играла та же самая хитрая усмешечка.

Он пустил стрелу, и Зобатый решил, что она воткнулась в одно из бревен забора. Ветер донес слабый крик. Из деревни взмыли и исчезли среди деревьев несколько ответных стрел, но Никогда уже повернулся, помчался прочь и скрылся в кустах. Зоб услышал нечто вроде барабанного боя, крики многих голосов, а потом на мост высыпали люди с грубо откованным железным оружием; некоторые на ходу облачались в шкуры или даже натягивали сапоги. Пожалуй, дюжины три. Отличная работа. Если, конечно, Никогда сумеет скрыться.

Йон покачал головой, глядя, как изрядная часть клана Лисы выкатилась по мосту и устремилась в лес.

– Просто удивительно! Никак не могу привыкнуть к тому, что люди совершенно не способны соображать.

– Да уж, не стоит слишком многого ожидать от всяких балбесов – непременно ошибешься, – прошептал в ответ Зобатый. – Хорошо, что мы – самый умный отряд на Земном круге, верно? Так что вдруг сегодня вам будет благоугодно не обгадиться, а?

– Если ты, вождь, не обгадишься, то и я удержусь, – пробормотала Чудесница.

Ха! Как будто он мог твердо пообещать успех. Зобатый прикоснулся к плечу Гордяя и ткнул пальцем в сторону деревни. Низкорослый воин подмигнул, ползком перевалился через гребень пригорка и, ловкий, как головастик в пруду, пополз, будто скользил, на брюхе через кусты.

Зоб провел сухим языком по пересохшему рту. Всегда у него в таких случаях напрочь иссякала слюна, и сколь часто ему ни приходилось бы заниматься подобными делами, лучше не становилось. Краем глаза он посмотрел на других: никто из них не выказывал признаков слабонервности. Он еще задумался о том, не гложет ли их тревога изнутри, так же, как и его, и не прячется ли за их застывшими лицами паника – так же, как у него? Или страшно только ему одному? Но, в конце концов, это не значило ровным счетом ничего. Если тебе страшно, то самое лучшее, что ты можешь сделать, – это вести себя так, будто страх тебе неведом.

Он поднял кулак, с удовольствием убедился в том, что рука не дрожит, указал вслед Гордяю, и все они двинулись за ним. Вниз по пригорку к южным воротам – если можно так назвать прогал в гнилом заборе, над которым возвышалось нечто, подобное арке, сделанной из кривых древесных стволов и украшенной черепом какого-то зверя, имевшего, на свою беду, пару внушительных рогов. Тут Зобатый не смог не задуматься о том, найдется ли на сто миль в округе хоть одна прямая лесина.

Прямо под черепом стоял, опершись на копье и не замечая ничего вокруг, один-единственный стражник. У него были длинные свалявшиеся волосы, и он был облачен в меха. Он засунул палец в нос, извлек его, внимательно осмотрел добычу и щелчком отправил ее наземь. Потянулся и, опустив руку, почесал задницу. Гордяй полоснул его ножом по шее сбоку и перерезал горло так же быстро и просто, как рыбак выпотрошил бы пойманного лосося. Зоб поморщился было, но он прекрасно знал, что это было неизбежно. Если расстаться с жизнью для того, чтобы они могли выполнить свое дурацкое задание, придется лишь этому, можно будет сказать, что всем повезло. Гордяй придержал убитого, из горла которого хлестала кровь, поймал его, когда у него подогнулись ноги, и беззвучно уложил еще дергавшееся тело в стороне от ворот, вне поля зрения любых глаз изнутри.

Тише, чем ветерок в кустах, Зобатый с остальными, низко пригибаясь, с оружием наготове поспешили к воротам. Гордяй, уже успевший вытереть нож, ждал их, осторожно заглядывая внутрь из-за воротного столба и выставив за спиной ладонь с растопыренными пальцами: дескать, подождите. Зоб хмуро взглянул на окровавленное лицо мертвеца, который приоткрыл рот, как будто собирался задать вопрос. Гончар делает горшки. Пекарь печет хлеб. А Зобатый занимается вот этим и больше ничем. Едва ли не всю свою жизнь.

Но, как бы аккуратно ни была сделана эта работа, гордиться тут было, в общем-то, нечем. Человека убили всего лишь за то, что он охранял свою собственную деревню. Потому что они, местные, тоже были людьми со своими надеждами, и печалями, и всем прочим, пусть даже они жили вдали от Кринны и не очень утруждали себя мытьем. Но что может сделать один человек? Зобатый медленно набрал в грудь воздух и еще медленнее выдохнул его. Только выполнить задание таким образом, чтобы не погиб никто из его собственных людей. В тяжелые времена прекраснодушные размышления могут погубить тебя скорее чумы.

Он посмотрел на Чудесницу, дернул головой в сторону деревни, и она, скользнув вокруг воротного столба, направилась по правой дорожке, непрерывно поворачивая бритую голову то налево, то направо. Сразу за нею следовал Гордяй, а последним – Брек, двигавшийся совершенно бесшумно, чего трудно было бы ожидать, глядя на его громадную фигуру.

Зоб еще раз медленно вздохнул и, крадучись, двинулся по левой тропе, морщась всякий раз, когда пытался нащупать самые твердые участки изрытой грязи, куда можно было бы бесшумно поставить ногу. Позади с чуть слышным шипением осторожно дышал Йон; Зобатый знал, что и Жужело тоже здесь, хотя тот и двигался тише кошки. Вот до его слуха донеслось какое-то пощелкивание. Прялка, наверно. Он услышал чей-то смех, хотя, возможно, ему это лишь почудилось. Он крутил головой в сторону любого намека на какой-то звук, будто его дергали за крюк в носу. Свет казался ему слишком ярким, и все было видно слишком уж хорошо. Возможно, следовало бы подождать темноты, но Зобатый терпеть не мог работать ночью. С того самого, мать его, несчастья в Гурндрифте, где люди Бледноснега случайно ввязались в бой с людьми Малорослика. Там полегло пятьдесят человек, а никакого врага не было и за десять миль. Слишком много всего может ночью пойти наперекосяк.

Впрочем, Зобатому доводилось видеть, как множество народу глупо погибало и при свете дня.

Он крался вдоль плетеной стены и обливался тем потом, какой бывает от страха. Тем едким потом, который выступает, когда смерть стоит аккурат за твоим плечом. Все окружающее сделалось вдруг острее острого. Каждый прут в плетне, каждый камешек в грязи. То, как кожаная оплетка рукояти меча врезалась в ладонь, когда он расслабил пальцы, чтобы перехватить ее. То, как при каждом вдохе, стоило горящим легким на три четверти заполниться воздухом, раздавался чуть слышный свист. То, как кожа подошвы его ступни при каждом осторожном шаге прилипала через дыру в носке к стельке башмака. Прилипала и отлипала.

Новые носки – вот что ему нужно. Ну, сначала пережить этот день, а потом обзавестись носками. Возможно, даже купить те самые – красного цвета, – которые он видел, когда в прошлый раз побывал в Уффрите. Они все тогда смеялись над ними. И он сам, и Йон, и Чудесница, и бедняга Чутлан, который успел погибнуть. Смеялись, что, дескать, носки из шерсти, выкрашенной красным, – это безумие. Но потом он подумал, что, если человек может

позволить себе носки из крашеной шерсти, это не безумие, а роскошь, и, оглянувшись, окинул эту прекрасную материю задумчивым взглядом. Пожалуй, надо будет, покончив с этим дурацким заданием, вернуться туда и приобрести пару красных носков. Может быть, он купит даже две пары. И будет носить их, выпуская верх из башмаков, чтобы все видели его знатность. Не исключено, что его станут называть Кернден Красные носки. Он почувствовал, что лицо, против его воли, расплылось в улыбке. Красные носки – это первый шаг на пути к краху; если он…

Дверь в лачугу, что по левой стороне от него, резко распахнулась, и оттуда, заливаясь хохотом, вышли трое мужчин. Передний повернул косматую голову, на лице его застыла широкая улыбка, открывавшая желтые зубы. Он смотрел прямо на Зобатого, и Йона, и Жужело, которые застыли с открытыми ртами у стены длинного дома, будто трое мальчишек, которых застигли врасплох, когда они воровали пирожки. Так все и стояли неподвижно, разглядывая друг друга.

Зобатый почувствовал, как время замедлилось до почти полной зловещей неподвижности, как бывало всегда, перед тем как пролиться крови. Времени более чем достаточно для множества всяких глупостей. Чтобы подумать, не куриная ли кость торчит в ухе у одного. Посчитать гвозди на одной из их дубинок. Восемь с половиной. Времени хватает даже на то, чтобы подумать, что, дескать, смешно, что на ум не приходит ничего полезного. Такое впечатление, будто он стоит где-то в стороне от самого себя и думает, что же следует сделать дальше, но чувствует, что это от него, в общем-то, не зависит. И самое странное, что такое – ощущение это – в последнее время происходило с ним так часто, что он научился распознавать его появление. Тот миг оцепенения и полной растерянности перед тем, как мир рухнет.

Вот дерьмо! Опять…

Он чувствовал щекой поцелуй холодного ветерка – это Жужело широким движением косаря взмахнул своим мечом. Передний не успел даже пригнуться. Оплеуха, нанесенная не вынутым из ножен клинком, сбила его с ног, перевернула кубарем в воздухе и вмазала вверх тормашками в стену хижины. Рука Зобатого без какой-либо команды от головы обнажила меч. Жужело метнулся вперед и, выбросив руку, так ударил рукоятью меча в рот второму, что во все стороны полетели целые и раскрошенные зубы.

Широко раскинув руки, он рухнул во весь рост навзничь, как срубленное дерево, а третий попытался поднять дубину. Зобатый ударил его в бок; сталь с влажным глухим звуком разрубила мех и плоть, выбросив волну крови. Человек качнулся вперед, сложился пополам, открыл рот и оглушительно завизжал, выпучив глаза. Зобатый клинком расколол его череп надвое; рукоять меча дернулась в его ладони, крик завершился изумленным писком. Тело вытянулось на земле, кровь из разрубленной головы хлынула прямо на башмаки Зобатого. Похоже, что он даже раньше времени обзавелся красными носками. Вот тебе и не убивать никого без необходимости, вот тебе и тихо, весенний ветерок…

– Мать твою!.. – буркнул Зобатый.

Теперь-то время помчалось вскачь, и сделалось очень неуютно. Мир тоже помчался, раскачиваясь, и дергаясь, и швыряя во все стороны комья грязи. Кричали люди, лязгал, сталкиваясь, металл, в ушах ревели его собственное дыхание и рокочущий стук его собственного сердца. Он оглянулся через плечо, увидел, как Йон отразил щитом удар палицы и, громко взревев, зарубил противника. Не успел Зобатый снова посмотреть вперед, как – мертвые знают откуда – прилетела стрела и с громким щелчком вонзилась в стену прямо перед ним. Он чуть не попятился от неожиданности, но сзади него оказался Жужело и так пнул его под зад, что он рухнул и набрал полный рот грязи. Пока он поднимался, на него налетел еще один противник – лицо с бешено раззявленным орущим ртом и всклокоченная шевелюра заслонили все на свете. Зобатый закрылся щитом и начал поворачиваться, но тут из ниоткуда возник Гордяй и пырнул набегавшего поганца ножом в бок. Тот вскрикнул и споткнулся. Зобатый отрубил ему полголовы; лезвие, громко звякнув, раскололо кость и ткнулось в землю. Рукоять чуть не вылетела из потного кулака.

– Шевелитесь! – крикнул он, не очень понимая, к кому обращается, и стараясь вырвать увязший в земле клинок. Мимо промчался Весельчак Йон с окровавленным топором и оскаленными в безумной ухмылке зубами. Зобатый поспешил за ним, а следом Жужело – лицо бесстрастное, взгляд скачет с одной хижины на другую, в одной руке меч, так и не вынутый из ножен. За угол лачуги, на просторную площадку, заваленную навозом, смешанным с рубленой соломой. По одну сторону в большом сарае хрюкали и повизгивали свиньи. По другую сторону возвышался длинный дом, украшенный резными фигурами; к широкому распахнутому дверному проему, в котором была видна лишь темнота, вели ступени.

Через площадку на них бежал рыжеволосый мужчина с лесорубным топором в кулаке. Чудесница спокойно всадила стрелу ему в щеку с расстояния в шесть шагов, но он не сбавил хода, лишь прижал к лицу свободную руку и чуть не наткнулся на нее. Она с боевым кличем шагнула ему навстречу, взмахнула мечом и одним ударом отсекла ему голову. Голова, разбрызгивая кровь, завертелась в воздухе и улетела за ограду свинарника. Зобатый мимоходом подумал: вдруг бедняга все еще понимает, что происходит…

Затем он увидел, что тяжелая дверь медленно закрывается, увидел бледное лицо у края створки.

– Дверь! – взревел он и ринулся туда, сначала хлюпая по грязи, а потом тяжело топая по гулким деревянным ступеням. Он успел сунуть окровавленный грязный башмак в щель, и тут же дверь захлопнулась с такой силой, что его ногу прострелило болью, глаза выпучились. – Мать вашу! Моя нога! – взвыл он.

Дюжина, если не больше, мужиков из клана Лисы, собравшихся к тому времени в конце двора, рычали и хрюкали громче и противнее, чем свиньи. Они размахивали зазубренными мечами, топорами, корявыми дубинками, кое у кого были щиты, передний же красовался в ржавой кольчуге со свисающим лохмотьями нижним краем, и в его растрепанные волосы были вплетены грубо сработанные серебряные кольца.

– Назад! – Перед ними возвышался Жужело, держа в вытянутой руке свой меч рукоятью вверх, будто это был какой-то магический амулет, призванный отражать зло. – Назад, и вам не придется умереть сегодня.

Тот, что в кольчуге, сплюнул и прорычал на ломаном северном наречии:

– Покажи нам свое железо, вор!

– Покажу, раз ты этого хочешь. Смотри на Меч мечей – больше ты ничего в жизни не увидишь. – И Жужело вынул свое оружие из ножен.

Этому мечу присвоили добрую сотню имен: Бритва рассвета, Могильщик, Кровавый жнец, Высочайший и Нижайший, Скак-анг-гаиок, то бишь Разлом мира, На языке долины и так далее, но Зобатый вынужден был признать, что он представлял собой ничем не примечательную полосу металла. Не вспыхнуло

пламя, не разлился золотой свет, не запели в отдалении трубные звуки, клинок даже не сверкнул зеркальным блеском. Лишь чуть слышный шорох, с которым вырвалось на свободу из покрытых многолетними пятнами кожаных ножен длинное лезвие тускло-серого, точь-в-точь как влажный сланец, цвета, без какой-либо блестящей отделки или украшений, если не считать какого-то поблескивающего узора, выгравированного около простой ничем не примечательной крестовины.

Но у Зобатого были иные заботы, кроме как выяснять, достоин ли меч Жужела сложенных о нем песен.

– Дверь! – визгливо крикнул он Йону, цепляясь за край створки левой рукой, на которой так и висел щит, и вслепую размахивая мечом в щели между створкой и притолокой. – Моя нога, мать вашу!

Йон с ревом взбежал по ступенькам и саданул в дверь плечом. Она неожиданно поддалась, соскочила с петель и придавила того болвана, который пытался закрыть ее. Йон и Зобатый ввалились в помещение, где было темно, как в поздние сумерки, и плавал неприятно сладковатый дым. На Зобатого надвинулось какое-то пятно, он инстинктивно вскинул щит и почувствовал, как что-то с силой ударилось в него и ему в лицо брызнули щепки. Потеряв равновесие, он врезался во что-то еще; загремел металл, захрустела бьющаяся глиняная посуда. Из полумрака возникло призрачное лицо, под которым громыхало ожерелье из зубов. Зобатый рубанул мечом, потом еще и еще, и человек с залитым кровью покрытым белой краской лицом осел на землю.

Зоб кашлял, рыгал, снова кашлял, всматривался, мигая, в смердящий мрак и держал меч наготове. Он услышал, как взревел Йон, услышал глухой удар топора, угодившего в плоть, и чей-то визг. Дым слегка рассеялся, и Зобатый смог наконец более-менее рассмотреть зал. В яме-очаге полыхали угли, заливавшие паутину украшенных резьбой стропил и балок мутным красным и оранжевым светом, сталкивавшим друг с дружкой движущиеся тени, вводя в обман глаза. Здесь было жарко, как в аду, и к тому же воняло, как в аду. Стены покрывала ветхая драпировка – изодранная парусина, испещренная нарисованными отметками. В дальнем конце лежала плита черного камня, на ней стояла грубая статуя, в ногах у которой поблескивало золото. Чаша, решил Зобатый. Кубок. Туда он и направился, пытаясь щитом отодвинуть темноту подальше от лица.

– Йон! – крикнул он.

– Зобатый, где ты?

Невесть откуда донеслась какая-то странная песня. Слов ее Зобатый не понимал, но их звучание ему не понравилось. Очень даже не понравилось.

– Йон?

И из-за каменной плиты внезапно выскочила человеческая фигура. Зобатый вытаращил глаза, попятился и чуть не свалился в яму, где горел огонь.

Человек был облачен в изодранную красную хламиду, из-под которой торчали длинные жилистые руки, был густо намазан краской, сквозь которую проступал бисерный пот, а лицо его было скрыто черепом какого-то зверя с витыми черными рогами, отчего человек в красном казался при мятущемся свете дьяволом, вырвавшимся прямо из ада. Зобатый прекрасно понимал, что это маска, но когда на него из дыма внезапно надвинулась эта фигура, когда он услышал странную песню, гулко доносившуюся из-под черепа, то почувствовал, что не может сдвинуться с места от страха. Он даже меч свой не мог поднять. Просто стоял, дрожа всем телом и чувствуя, что каждая мышца растекается, словно вода. Он никогда не был героем – что уж тут скрывать, – но никогда прежде не испытывал такого страха. Даже в Иневарде, когда он видел, как к нему с безумным видом, с головы до ног залитый чужой кровью, пробивался Девять смертей. Сейчас он, беспомощный, стоял совершенно неподвижно.

– Фух… фух… фух…

Жрец, подняв одну длинную руку, подходил все ближе. В раскрашенных пальцах он держал какой-то предмет. Кривую деревяшку, чуть светящуюся тусклым светом.

Вещь. Та самая вещь, за которой они явились сюда.

Тут деревяшка засветилась ярче, еще ярче, так ярко, что ее корявое очертание словно выжглось в глазах Зобатого, а звук песни лился ему в уши, и вскоре он не слышал ничего, кроме него, не мог думать ни о чем, не видел ничего, кроме

этого предмета, слепяще яркого, как солнце, предмета, который мешал ему дышать, сламывал его волю, совсем остановил его дыхание, отрезал…

Трах! Топор Весельчака Йона расколол пополам рогатый звериный череп и разрубил скрытое под ним лицо. Хлынувшая кровь зашипела на углях в яме-очаге.

Зобатый ощутил брызги на своем лице, заморгал и покачал головой, внезапно освободившись от цепенящей власти страха. Жрец качнулся вбок, его песня сменилась рваным бульканьем, маска раскрылась на две части, и из-под нее лилась кровь. Зобатый зарычал, взмахнул мечом, вонзил его в грудь волшебника, и тот рухнул навзничь. Вещь вывалилась из его руки и отлетела в сторону по шершавым половицам; ослепительный свет сменился чуть заметным мерцанием.

– Поганые колдуны, – рыкнул Йон, сложил язык хитрым образом и цыкнул на труп длинной струйкой слюны. – Вот суетятся, суетятся попусту! Столько времени тратят на все эти трюки и словоблудие, а толку от всего этого и вполовину не будет, как от хорошего ножа… – Он нахмурился. – Ох ты!..

Жрец рухнул в огненную яму, выбив при падении на пол кучу пылающих углей. Несколько кусков долетели до разлохмаченного края ближайшей драпировки.

– Проклятие. – Зобатый на подгибающихся ногах направился туда, чтобы отшвырнуть уголья. Но не успел он сделать и трех шагов, как старую тряпку охватило пламя. – Проклятие… – Он попытался погасить огонь, но голова у него все еще кружилась, и он лишь насыпал тлеющих искр к себе на штаны, и ему пришлось прыгать на месте и тушить самого себя. Огонь выбрасывал языки и разбегался по сторонам быстрее чумы. Такое пламя, взвивающееся выше человеческого роста, уже не погасишь. – Проклятие! – Ощущая жар лицом, Зобатый подался назад, между стропил плясали алые тени. – Забирай эту штуку и пошли отсюда!

Йон уже возился с ремнями своей кожаной котомки.

– Все правильно, вождь, все правильно. Запасной план!

Зобатый отвернулся от него и поспешил к двери, плохо представляя себе, кто может оставаться в живых по ту сторону. Он вырвался в день из мрака, и свет

больно ударил ему в глаза.

Прежде всего он увидел Чудесницу, стоявшую с широко раскрытым ртом. Она держала в расслабленных руках наполовину натянутый лук, на котором лежала стрела, но ее острие было направлено в землю. Зобатый не мог припомнить, когда еще он видел ее такой изумленной.

– В чем дело? – рявкнул он, еще больше разозлившись, оттого, что его меч зацепился за дверной косяк, и с рычанием высвободил его. – Ты ранена? – Он прищурился от солнца и прикрыл глаза щитом. – Что за… – Он остановился на ступенях и уставился перед собой. – Клянусь мертвыми…

Жужело стоял неподвижно, все еще сжимая в кулаке Меч мечей, но его длинное тусклое лезвие смотрело в землю. Только теперь он был с головы до ног перемазан кровью, а перед ним широким полукругом валялись изуродованные, разрубленные вдоль и поперек трупы дюжины людей из клана Лисы, напавших на него, а чуть подальше – еще несколько пытавшихся поддержать их.

– Он один перебил их всех. – Лицо Брека было все еще перекошено от растерянности. – Прямо так, один – всех. Я даже молотком своим ни разу не взмахнул.

– Так не бывает, – бормотала Чудесница. – Так не бывает. – Она наморщила нос. – Мне кажется или я чую запах дыма?

Йон вывалился из зала и так ткнулся в спину Зобатого, что они оба чуть не упали с лестницы.

– Ты взял эту штуку? – рявкнул Зобатый.

– Полагаю, что… – Йон заморгал, уставившись на Жужело, возвышавшегося в кругу своих жертв. – Клянусь мертвыми, вот это да!

Жужело начал было отступать к ним, но резко повернулся, заметив стрелу, которая просвистела рядом с ним и, задрожав, вонзилась в стену дома, и махнул свободной рукой.

– Может быть, нам лучше было бы…

– Бежим! – прогремел Зоб. Возможно, хороший вождь должен дождаться, пока все остальные не окажутся в безопасности. Должен первым вступать в бой и последним выходить из него. Во всяком случае, Тридуба поступал именно так. Но Зобатый не был Тридуба (о чем можно было и не напоминать лишний раз) и сейчас он мчался, как кролик с подпаленным хвостом. Подавал личный пример, так сказать. Позади он услышал звон тетивы. Стрела просвистела мимо, чуть не задев руку, которой он размахивал, и вонзилась в стену лачуги. Потом другая. Придавленная нога болела как невесть что, но он бежал, хромая и размахивая рукой со щитом. Мчался к шатавшимся, прыгавшим перед глазами воротам с аркой и звериным черепом на ней.

– Ходу! Ходу! – Чудесница вырвалась вперед, швырнув брызгами грязи в лицо Зобатому. Он увидел, как Гордяй мелькнул впереди между двумя хижинами, а затем быстро, как ящерица, обогнул один из воротных столбов и вырвался из деревни, следом и он сам протопал под аркой из веток. Спрыгнул на берег, споткнулся на поврежденную ногу, сотрясся всем телом, клацнул зубами и прикусил язык. Он сделал еще один неверный шаг и повалился в болотный папоротник, перекатился через щит и успел подумать лишь о том, что хорошо бы постараться не отрезать себе нос собственным мечом. Затем он поднялся и вскарабкался по склону, чувствуя, как горят легкие, как липнут к гудящим ногам промокшие по колено в болоте штаны. Он слышал за спиной тяжелые шаги всхрапывавшего от усилия Брека, а за ним ворчание Йона: «Дерьмо… проклятие… бежать… проклятие… дерьмо…»

Потом он проломился сквозь кусты и оказался на той самой полянке, где они строили планы. Планы никогда не исполняются слишком гладко – так и с этим получилось. Раубин стоял около имущества. Рядом с ним – Чудесница, уперши руки в бока. На противоположной стороне поляны устроился на коленях Никогда со стрелой, наложенной на лук. Увидев Зобатого, он усмехнулся:

– Ну что, вождь, получилось?

– Дерьмо… – Зобатый стоял скрючившись и глотал ртом воздух. Голова у него кружилась. – Дерьмо. – Он выпрямился и уставился в небо, чувствуя, как пылает лицо, не в состоянии придумать какое-нибудь другое слово, хотя даже если бы это удалось, у него не хватило бы дыхания, чтобы его произнести.

Брек, выглядевший еще более измученным, чем Зобатый (если, конечно, такое возможно), согнулся, упершись руками в трясущиеся колени, его широченная грудь вздымалась, плоское лицо, покрытое татуировками, было красным, как поротая задница. Йон, с раздутыми блестящими от пота щеками, шатаясь, подошел к дереву и прислонился к нему.

Чудесница почти не запыхалась.

– Клянусь мертвыми, вы, старики, совсем зажирели. – Она хлопала Никогда по руке. – Хорошо ты там, за деревней, поработал. Я была уверена, что они поймают тебя и освежуют.

– Хочешь сказать, надеялась на это? – ответил Никогда. – А ведь должна бы знать, что на всем Севере нет человека, который так прытко удирал бы от опасности.

– Что правда, то правда.

– Где Гордяй? – выдохнул Зобатый, как только отдышался более-менее достаточно для того, чтобы волноваться.

Никогда ткнул большим пальцем.

– Пошел осмотреться и убедиться, что нас никто не преследует.

На поляну не торопясь вышел Жужело. Он снова накинул на голову капюшон, и Меч мечей, снова в ножнах, лежал у него на плечах, как посох путника; одной рукой он держался за рукоять, а другая свободно болталась, перекинутая через лезвие.

– Это следует понимать так, что за нами не гонятся? – спросила Чудесница, приподняв одну бровь.

Жужело покачал головой.

– Нет.

– Не стала бы обвинять бедняг в трусости. И забираю назад свои слова о том, что ты воспринимаешь себя слишком серьезно. Ты со своим мечом – очень даже серьезная штучка.

– Добыли то, что надо? – спросил совершенно белый от тревоги Раубин.

– Ты угадал, Раубин, шкуру твою мы спасли. – Зобатый вытер рот и увидел на ребре ладони кровь из прикушенного языка. Они выполнили задание, и к нему понемногу начало возвращаться чувство юмора. – Ха! Или ты мог подумать, что мы бросили эту говенную штучку там?

– Не боись, – сказал Йон, резкими движениями открывая свою котомку. – Весельчак Йон Непролаз, мать его, снова оказался героем. – И он запустил руку внутрь и вытащил добычу.

Зобатый заморгал. Потом нахмурился. Потом его взгляд остановился. Золото поблескивало в меркнущем свете, и он почувствовал, что сердце ухнуло куда-то еще глубже, чем это случалось за весь минувший день.

– Йон, это ни хера не то, что надо!

– Не то?

– Это чаша! А нам нужна была вещь! – Он воткнул меч острием в землю и махнул рукой. – Треклятая вещь, светившаяся каким-то треклятым светом!

Йон уставился на него.

– Мне никто не говорил, что она светилась треклятым светом.

Все ненадолго умолкли, думая об одном и том же. Вокруг стояла тишина; лишь ветер теребил старые листья, заставляя черные ветки со скрипом раскачиваться. А потом Жужело запрокинул голову и разразился хохотом. Он хохотал так громко, что несколько ворон сорвались с ветки и, суматошно размахивая вялыми крыльями, устремились в серое небо.

– Что это тебя разобрало? – зло бросила Чудесница.

Полускрытое капюшоном перекошенное лицо Жужела блестело счастливыми слезами.

– Я же сказал тебе, что буду смеяться, если услышу что-нибудь смешное! – И он снова зашелся хохотом, сотрясаясь всем телом и выгнув хребет наподобие натянутого лука.

– Вам придется вернуться, – сказал Раубин.

– Вернуться? – повторила перепачканная, как и все остальные, грязью Чудесница, словно не веря своим ушам. – Ты, засранец, сказал: «Вернуться»?

– Может быть, ты не заметил, что дом сгорел? – громыхнул Брек, указывая все еще дрожащей ручищей на толстый столб дыма, поднимавшийся из деревни.

– Что, что? – спросил Раубин, а Жужело испустил в небо очередной взрыв визгливого хохота и снова зашелся, булькая, фыркая и с трудом держась на ногах.

– О да, сгорел дотла, и как пить дать вместе с этой треклятой штукой.

– Ну… не знаю… вам всего-то нужно перетрясти пепел на пожарище!

– Не лучше ли будет перетрясти твой вонючий пепел? – рявкнул Йон, швырнув чашу на землю.

Зобатый медленно, тяжело вздохнул, протер глаза и, поморщившись, взглянул на эту задницу, почему-то именовавшуюся деревней. За его спиной Жужело продолжал терзать тишину сумерек хриплым хохотом.

– Вот всегда так, – чуть слышно прошептал он. – Почему, ну почему мне всегда достаются самые поганые задания?

Свалить поскорее (по городам и весям)

Ближняя страна, лето 575 года

– Пожалуй, из этого города лучше будет свалить поскорее, – сказала Джавра.

– О нет, нет, нет! Только не это! – поспешно возразила Шев. – Нельзя же вот так мчаться по жизни, оставляя позади лишь развалины как следы наших собственных ошибок.

Они быстро шли сквозь беззвучную ночную тьму. Джавра, задумчиво насупив брови, двигалась огромными стремительными шагами, и Шев, чтобы не отставать, приходилось почти бежать вприпрыжку.

– В таком случае чем же мы, по-твоему, занимались в прошлом году?

– Ну… так… мы… – Шев задумалась. – Я тебе вот что скажу: так дальше продолжаться не может!

– Понятно. В таком случае мы отдаем Тумнору его драгоценный камень, забираем обещанные деньги, расплачиваемся с нашими игорными долгами…

– Твоими игорными долгами.

– И что потом? Оседаем здесь и пускаем корни? – Джавра дернула рыжей бровью, словно указывая на обшарпанные домишки, мусор, валявшийся прямо на улице, смердящего рыбой нищего, который выкашливал больные легкие, скрючившись в открытой двери.

– Ладно, убедила. Двинемся дальше.

– И что же на сегодняшний вечер останется у нас позади? Джавра дернула головой назад, в ту сторону, откуда они пришли. – Ты считаешь, что это можно назвать развалинами?

– Я назвала бы это… – Шев запнулась, задумавшись, долго ли еще удастся уклоняться от беспощадного взгляда правде в глаза, – серией неудач.

– А по мне, так это больше похоже на развалины. Ведь если у дома обрушился фасад, его вполне можно назвать развалинами, верно?

Шев в очередной раз оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что за ними никто не следит.

– Полагаю, какой-нибудь злопыхатель мог бы и так сказать.

– В таком случае, Шеведайя, не сочти за труд объяснить мне, чем же твой путь отличается от моего, если не считать того, что в твоем случае мы уйдем из города, имея меньше денег.

– Но и врагов у нас будет меньше! Мне страшно надоело, что в любой поганой дыре, через которую нам доводится проходить, мы, словно кролик кучу катышков, оставляем новую кучу врагов! А что если мне рано или поздно вновь понадобится залезть в одну из этих поганых дыр? И повсюду эти окаянные враги. Знаешь ли, я по ночам просыпаюсь вся в поту!

– Это от острой еды, – сказала Джавра. – Я ведь то и дело предупреждаю тебя: следи за диетой. А враги – это хорошо. Если есть враги, значит, ты… производишь впечатление.

– О да, ты очень даже производишь впечатление; я этого никогда не стала бы отрицать. Вот и нынче вечером ты произвела на этих пацанов прямо-таки сокрушительное впечатление.

Джавра оскалила в улыбке оба ряда белых зубов и с таким звуком, будто дверью хлопнула, стукнула покрытым шрамами кулаком по мозолистой ладони.

– Это уж точно.

– Но, Джавра, я ведь воровка, а не… не то, что ты. Мне вроде как полагается держаться незаметно.

– Ах! – Джавра снова вздернула ту же самую рыжую бровь и посмотрела искоса на Шев. – Потому-то ты и ходишь в черном.

– Но ты ведь согласишься, что черное мне действительно идет?

– Ты, вне всякого сомнения, неуловимая и обольстительная совратительница невинного девичества! – Джавра игриво толкнула Шев локтем в бок, отчего та едва не врезалась в ближайшую стену, но тут же схватила ее за руку и стиснула в сокрушительном объятии, приплюснув лицом к себе под мышку. – И раз так, дорогая подруга Шеведайя, мы пойдем твоим путем! Прямым, верным и непоколебимо нравственным, как подобает ворам! Мы расплатимся по твоим долгам, а потом напьемся и найдем несколько мужчин.

Шев еще не отдышалась после дружеского толчка локтем.

– И что же, по-твоему, я буду с ними делать?

Джавра ухмыльнулась.

– Мужчины будут для меня. Я ведь из Тонда, и аппетиты у меня о-го-го какие. А ты сможешь посмотреть.

– Премного благодарна за великую честь, – ответила Шев, выбираясь из-под тяжеленной мускулистой руки Джавры.

– Это самое малое, что я могу для тебя сделать. Ты пока что проявляла себя прекрасной подручной.

– Я думала, что у нас равное партнерство.

– Самые лучшие подручные всегда так думают, – сказала Джавра, направляясь к парадной двери «Плачущего работорговца». Перекошенная вывеска, прикрепленная к ржавому железному пруту, болталась на одной петле.

Шев вцепилась в руку Джавры, повисла на ней всем весом и даже пятками уперлась в землю, чтобы не дать подруге сделать следующий шаг.

– У меня предчувствие, что Тумнор будет ждать нас.

– Так мы и договоривались. – Джавра озадаченно посмотрела на нее сверху вниз.

– Знаешь ли, он не слишком откровенно рассказывал нам о работе. Не исключено, что он попытается кинуть нас.

Джавра нахмурилась.

– Ты считаешь, что он может нарушить соглашение?

– Но ведь он ничего не сказал нам о ловушках, верно? – спросила Шев, продолжая висеть на руке Джавры. – И об обрыве. И о стене. И о собаках. И еще он сказал, что охранников будет двое, а не двенадцать.

Джавра, играя желваками на скулах, стиснула челюсти.

– И о том волшебнике он тоже ничего не сказал.

– Точно. – Шев удалось глотнуть воздуха; каждая связка ее тела дрожала от напряжения.

– Клянусь дыханием матери, ты права.

Шев с облегчением выдохнула, медленно разогнулась, выпустила руку Джавры и похлопала по ней.

– Сейчас я проберусь через черный ход и проверю…

– Хоскоппская львица никогда не пользуется черным ходом! – с широкой улыбкой перебила ее Джавра. И, взбежав на крыльцо, она высоко подняла ногу, так пнула подошвой башмака дверь, что та слетела с петель, и шагнула внутрь. Грязные фалды некогда белого пальто развевались за ее спиной, как раздвоенный хвост.

Шеведайя мельком, но очень серьезно подумала о том, не стоит ли ей рвануть со всех ног вдоль по улице, но лишь вздохнула и побрела по ступенькам вслед за подругой.

«Плачущий работорговец» был далеко не самым респектабельным заведением, хотя Шев должна была признать, что ей доводилось бывать и в куда худших местах. Собственно говоря, в худших местах она провела большую часть нескольких последних лет своей жизни.

Зал был просторным, как хорошее гумно, с галереей на уровне второго этажа, и довольно плохо освещался огромной круглой люстрой, утыканной коптящими свечами в подсвечниках из цветного стекла. На полу, усыпанном грязной соломой, были беспорядочно расставлены столы и стулья, а сбоку громоздилась кривобокая стойка, за которой на полках красовались бутылки с самым низкопробным алкоголем дюжины дюжин культур.

Здесь пахло дымом и потом, пролитым спиртным и блевотиной, отчаянием и упущенными шансами, и все это выглядело почти так же, как три ночи назад, когда они приняли заказ на работу, а сразу после того Джавра просадила в кости половину обещанной платы. Отличие было лишь одно, и оно сразу бросалось в глаза. Той ночью здесь было полным-полно разнообразного сброда. А нынче зашел, похоже, только один человек.

Тумнор сидел за столом посреди комнаты, на его пухлом лице застыла улыбка, а лоб блестел от пота. Он казался очень встревоженным – чрезмерно даже для человека, намеревающегося обмануть двоих довольно известных воровок. Выглядел он так, будто всерьез опасался за свою жизнь.

– Это ловушка, – проворчал он сквозь стиснутые зубы, не шевеля лежавшими на столе руками.

– Это мы и сами поняли, поганец ты этакий! – ответила Джавра.

– Нет, – так же ворчливо отозвался он и странно скосил выпученные глаза куда-то вбок, потом снова взглянул на них и перевел взгляд в другую сторону. – Ловушка!

И лишь тогда Шев заметила, что его руки прибиты к столу. Она проследовала за его взглядом мимо подозрительно походившего на кровь большого коричневого пятна на полу до темного угла. И увидела там человеческую фигуру. Блеск глаз. Мерцание стали. Человек в боевой стойке, готовый действовать. Теперь она видела не слишком тщательно замаскированные признаки чужого присутствия в

других углах: человек с секирой, забившийся за шкаф со спиртным, нос арбалетчика, высунувшегося с галереи на свет чуть дальше, чем нужно, пара башмаков, торчащих из двери, ведущей в подвал, и башмаки эти, как она решила, должны были все еще находиться на мертвых ногах одного из наемных охранников Тумнора. Сердце у нее упало. Ей ужасно не хотелось драться, но все говорило за то, что драться ей придется, и очень скоро.

– Знаешь, похоже на то, – вполголоса сказала Шев, подавшись к Джавре, – что поганца, который собирался обдурить нас, уже успел обдурить кто-то другой.

– Да, – прошептала Джавра. Ее шепот звучал громче, чем обычная речь большинства людей. – Я как-то даже в растерянности. Кого убивать раньше, кого потом?

– Может быть, удастся договориться, чтобы нам позволили уйти? – с надеждой в голосе предположила Шев. Очень важно не терять надежды.

– Шеведайя, нам следует учитывать возможность применения насилия.

– Ты просто поражаешь точностью предвидения.

– Я буду очень благодарна, если ты, когда мое предвидение начнет сбываться, сможешь проявить внимание к тому арбалетчику, что устроился на галерее.

– Поняла, – пробормотала Шев.

– Большую часть остальных, пожалуй, можешь уступить мне.

– Ты очень любезна.

И вот из глубины здания донеслись раскатывавшиеся гулким эхом приближающиеся шаги тяжелых сапог и бряцание металла, а выражение лица Тумнора сделалось еще отчаяннее, и бусинки пота, катящиеся по щекам, – крупнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzho-aberkrombi/ostrye-kraya-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити